

Екатерина Вильмонт

КИНО
И НЕМЦЫ!

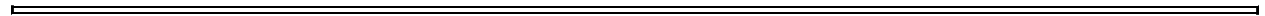
MY BEST

Annotation

«Кино и немцы!» Вроде бы совсем обычный Новый год, который люди так часто отмечают в теплом семейном кругу, вдруг превратился для Майи в кутерьму из событий и неожиданных встреч. И старт Новому году дал чужой ребенок, позвонивший в дверь ранним утром первого января, - настоящий новогодний подарок, с которым в жизнь героини пришли и новые друзья, и новая любовь

- [Екатерина Вильмонт](#)

- [***](#)

Екатерина Вильмонт
Кино и немцы!
Святочная история

«Бенбери умер!»

Оскар Уайльд. «Как важно быть серьезным»

- Майка, ты на Новый год опять в Питер? Тебе не надоело?
- Может, и надоело, но ты же знаешь, у меня там тетка, она одинокая, старая и мой приезд для нее – праздник, – вяло ответила Майя.
- А если для разнообразия тетка приедет к тебе в Москву?
- Ну что ты, ей тяжело, она старенькая.
- А я думала...
- Что ты думала? Очередного жениха мне нашла?
- Ну не то чтобы жениха, а все-таки... Просто у нас женщин в компании маловато.
- Надо же! Редкий случай! – улыбнулась Майя. – Обычно бывает наоборот.
- Ну ты же знаешь, я девушка нестандартная. Ты уже и билет купила?
- Конечно.
- Жалко. Ну ладно, вольному воля!

До этого разговора Майя не была уверена, что хочет в этом году в Питер, но, положив трубку, встала, оделась и поехала на вокзал, благо близко – пять остановок на троллейбусе.

У нее не было тетки в Питере, у нее вообще никого не было. Эту тетушку она придумала, чтобы не сидеть одной в праздники и не быть обузой в компаниях. Одинокая женщина в компании – это проблема. Ее надо провожать, да и вообще... А так она всем говорила, что уезжает тридцатого, и не подходила к телефону, не высовывала носа из квартиры, а уезжала тридцать первого. В вагоне поезда всегда находились люди, с которыми можно было встретить праздник, выпить бокал шампанского, поговорить... А утром выйти на Московском вокзале, вдохнуть сырой, холодный питерский воздух и отправиться гулять по любимым местам дивного города, отдыхая в кафе. К вечеру она уставала так, что в поезде, везущем ее назад, в Москву, спала, как говорится, без задних ног. А утром с удовольствием возвращалась домой, в свою уютную однокомнатную квартиру, после питерской холодной бесприютности казавшуюся поистине упоительным гнездышком.

С Питером ее связывало многое. Ее мать была родом из Ленинграда и ездила туда каждый год. Впервые она взяла Майю с собой, когда девочке исполнилось шесть лет. Они остановились в гостинице. Не в какой-нибудь,

а в знаменитой «Астории», в громадном двухкомнатном номере со старинной мебелью и просторной ванной. Все это поразило воображение маленькой девочки невиданной роскошью и ледяным холодом – в гостинице испортилось отопление, а номер был угловой, месяц – ноябрь, но одно из громадных окон было завешено портретом космонавта Николаева – город готовился к ноябрьским праздникам. Мама тогда смеялась, говорила, что теперь Андриян Николаев ее любимый мужчина, что он спасает их от окончательной гибели. Действительно, в другом номере, где жил кто-то из маминых знакомых, было еще холоднее. В ресторане на завтрак Майя ела удивительно вкусную штуку – гурьевскую кашу. Ее подавали в металлической раскаленной сковородке. Под румяной корочкой были сухофрукты и манная каша. А за соседним столиком завтракал пожилой иностранец. Он сидел в пальто – впрочем, все посетители были в пальто – и ел яйца всмятку. Казалось бы, подумаешь невидаль – яйца всмятку! Но как он это делал! Ножичком срезал верхушку яйца одним движением, просто сносил ее, потом солил яйцо и мазал горчицей! Майя много раз пробовала так срезать верхушку, но у нее ничего не получалось. Прошло тридцать лет, а она помнит этого иностранца, кажется, он был англичанин. Мама, кстати, тоже пробовала так обращаться с яйцом и у нее тоже ничего не получилось, зато она стала есть яйца с горчицей. Еще с той поездки Майя запомнила чудный спектакль в Большом драматическом театре, веселую грузинскую комедию «Ханума». Ах, как они с мамой смеялись тогда, как пели куплеты оттуда: «Над рекой стоит гора, под горой течет Кура!» Теперь у Майи есть видеозапись этого спектакля и в минуты хандры она ставит эту кассету... А еще она отчетливо помнит, как шла с мамой по Невскому и вдруг они встретили какого-то мужчину, маминого знакомого. Они с мамой обрадовались, расцеловались и стали говорить как-то странно – хоть и по-русски, но Майя почти ничего не понимала, и ей стало почему-то страшно, тревожно и она заплакала, а мама рассердилась на нее... После смерти мамы, разбирая ее архив, Майя нашла несколько фотографий того мужчины и письма от него. Он был маминой любовью...

И она свою любовь встретила в Ленинграде и там же вышла замуж и была безумно счастлива... полгода, а потом счастья уже не было, была просто жизнь. Через пять лет он ушел от нее, и она вздохнула с облегчением. Без него ей лучше дышалось. И вернулась в Москву, в трехкомнатную квартиру, оставшуюся от родителей. Устроилась на хорошую работу и начала новую жизнь – одинокой женщины, от которой страдала только в праздники. А когда фирма прогорела и работы не стало,

она продала большую квартиру, купила однокомнатную, благодаря чему выжила в тот год, что сидела без работы. Он запомнился ей тем, что она почти все время проводила, лежа на диване с книгой. Перечитала все собрание сочинений Бальзака, а потом школьная подруга Инна создала свое рекламное агентство и пригласила Майю с ее филологическим образованием к себе.

– Реклама должна быть грамотной! Вот ты за этим и будешь следить. А то: «Кофе Чибо. Давать самое лучшее!» – это что? Это на каком языке? Я не переживу, если такое выйдет из моего агентства, – говорила она, убеждая Майю взяться за эту работу.

– Но зачем я тебе? Ты и сама грамотная! – удивлялась Майя.

– Ага, но это с утра! А к вечеру у меня в голове уже все путается! И потом, у меня образование техническое, и я не могу аргументированно объяснить этим козлам-рекламодателям, что говорить надо жалюзи, а не жалюзи! А мы над твоим рабочим местом повесим красный диплом филфака!

Диплом на стенку вешать не стали, но иной раз Майе удавалось при помощи специальной терминологии и чувства юмора запудрить мозги малограмотным заказчикам, к тому же сама изысканно-интеллигентная внешность и манеры этой женщины, не очень вязавшиеся с обстановкой и стилем рекламного агентства, действовали умиротворяюще. Правда, не всегда. Один непробиваемый идиот-заказчик, послушав ее доводы, вдруг стукнул кулаком по столу:

– Хватит мне мозги компостировать, цаца сыровяленая!

– Почему сыровяленая? – опешила Майя.

– Свежезамороженная тебе больше нравится? – рявкнул он и ушел, хлопнув дверью.

Она ужасно расстроилась. Еще бы, упустила клиента. Но Инна ее успокоила:

– Не расстраивайся! Придет, куда он денется! У нас дешевле...

Он и в самом деле вернулся, но занималась им сама Инна. Тут филология была бессильна.

– Простите, на завтра билеты до Питера есть?

– На какой поезд?

– Хорошо бы на «Стрелу».

– Пожалуйста. Завтра мало кому охота в поезде трястись, – улыбнулась кассирша. – Праздник все ж таки. Будете брать?

– Да. – Майя уже открыла сумку, достала кошелек, но что-то вдруг

словно ударило ее в грудь, заболело сердце. – Извините, а если завтра прийти? Я забыла деньги.

– Ничего, и завтра билеты будут, не волнуйтесь. – Кассирша заметила, что женщина вдруг побледнела и губы задрожали. – Не волнуйтесь, – повторила она.

– Спасибо вам.

Дура, сказала Майя сама себе, какая же я дура! Неужто мне мало? Хватит жить жизнью оскаруайльдовского Альджернона. Тетка в Питере – это мой Бенбери. Надо объявить всем подругам, что Бенбери, то бишь тетушка, – умер. То, что невероятным усилием воли она загнала куда-то далеко-далеко, то, от чего ей все-таки удалось отчасти освободиться, сейчас, у кассы Ленинградского вокзала, вдруг ожило с невероятной остротой, и боль стала почти непереносимой.

Это произошло ровно год назад здесь же, у кассы Ленинградского вокзала. Она встретила взглядом с мужчиной, который поразил ее в самое сердце. Он был очень похож на ее старшего брата, погибшего в Афганистане. Только у брата глаза были голубые, а у этого светло-серые. Он, видимо, неверно истолковал ее ошеломленный взгляд и улыбнулся. Улыбка начисто стерла всякое сходство с Толей, и она смущенно и беспомощно улыбнулась в ответ. На этом инцидент был исчерпан. А ночью в вагоне они столкнулись снова, вместе встретили Новый год и уже не расставались целых три дня. С вокзала он повез ее в свою квартиру, странную холостяцкую берлогу на Карповке, бывшую когда-то частью огромной коммуналки. Там была очень большая комната, внутри которой имелась вторая, круглая, служившая спальней, а у каждого из четырех углов большой комнаты было свое назначение – кухня, кабинет, столовая и гостиная. Туалет и душ располагались в крохотном закутке за пределами странного обиталища. Но Майе там все безумно понравилось. Его звали Денисом. Ей казалось, что никогда прежде она не была так влюблена и счастлива. Каждое его прикосновение повергало ее в трепет, от звуков его голоса по спине бежали мурашки. Господи, я нашла свою половинку, думала она, глядя на спящего Дениса. Я люблю его... И хочу всегда быть с ним, всегда жить в этой дурацкой квартире, хочу родить от него ребенка... Три дня пролетели как одно мгновение. Пора было возвращаться в Москву, на работу. Она была уверена, что он скажет ей: «Не уезжай, Маюша! Мне будет без тебя плохо!» Надежды эти возникли не на пустом месте. Он все три дня и три ночи твердил ей, как ему с ней хорошо, как плохо и одиноко было без нее. Но когда она сказала, что уезжает, он кивнул со вздохом: что ж делать, надо – значит надо, и поехал провожать ее на вокзал. Уже в такси

она почувствовала некое отчуждение, а на перроне он заявил, целуя руку:

– Прощай, Маюша, все было чудесно. Настоящий новогодний подарок, спасибо тебе! Но давай расстанемся пока не поздно, пока все это не утратило романтической прелести. Эта история пахнет елкой и мандаринами! Но ведь не может вся жизнь пахнуть елкой и мандаринами! Да и не нужно! Прощай!

И оставив ее в полном обалдении, он быстро ушел. Она не успела даже слова вымолвить. Домой она вернулась совершенно разбитая и объяснила это тем, что тетка в Питере заболела и пришлось у нее задержаться. Было, дескать, очень тревожно, два дня она находилась между жизнью и смертью, но теперь, слава богу, все прошло... Инна посматривала на нее весьма скептически, явно подозревая, что есть еще причина для столь плачевного вида подруги. Но молчала. Она была тактичной женщиной.

Майя поспешно покинула вокзал. Зачем, зачем опять наступать на те же грабли? Ведь, приехав в Питер, она непременно отправится на Карповку, к тому дому... Неужели нельзя поехать в любой другой город, точно так же слоняться целый день и ночным поездом вернуться обратно? Зачем ехать туда, где уже дважды рухнула жизнь? Тебе мало, дуре? Ты все надеешься на новогодние чудеса? Было уже такое новогоднее чудо, было и хватит. Ты поняла, что чудес на свете не бывает, а если бывают, то их хватает разве что на три дня. Иди домой, приготовь что-нибудь вкусное и встречь Новый год у телевизора, как встречают его тысячи одиноких женщин. Конечно, ты могла бы пойти в компанию, но там тебе будет плохо, к тому же все будут спрашивать, почему ты не поехала к престарелой и такой любимой тетушке. Тетушку надо срочно похоронить. Бенбери умер! чтобы больше не было соблазна... Решено, после праздников... Ох, а ведь в этом году праздники какие-то бесконечные, аж до одиннадцатого января. Черт знает что! Ничего, займусь квартирой. Надо устроить генеральную уборку. Разобрать вещи, отдать кое-что в чистку, погладить, накопились уже горы глажки. Это куда правильнее и разумнее, чем таскаться целый день по городу, холодному, неприветливому, и терзать себя воспоминаниями. В прошлом году ей удалось избавиться от них только к середине марта, а сейчас нахлынуло с новой силой. Господи, она даже не знает, кто он был, этот Денис. Не удосужилась спросить, идиотка! Хотя он вряд ли ответил бы правду. У нее нет даже уверенности, что его и в самом деле зовут Денисом. Скорее всего никакой он не Денис. Просто проходимец, первый попавшийся проходимец, а я от одиночества и безнадежности сошлась с ним стремительно, не задумываясь. Хорошо еще ничем не наградил...

Или лучше все-таки уехать куда-то? Но куда? В чужой, совсем незнакомый город ехать боязно. Хотя чего бояться? Хуже, чем в прошлом году в Питере, не будет. А зачем вообще куда-то ехать? Идиотизм, детский сад, дурацкая, неистребимая вера в чудо. Когда-то в пионерском лагере одна девчонка, изображая из себя гадалку, сказала ей: ты встретишь свою судьбу в поезде в Новый год. Собачья чушь! А может, завести собаку? Да, именно! Она будет жить у меня, зависеть от меня, нуждаться во мне, а мне будет кого любить. По крайней мере собака точно не скажет «спасибо и прощай»... Эта мысль вдруг так понравилась ей, что она решила пойти домой пешком. Вдруг попадется бездомная собака, которую я возьму и буду о ней заботиться... Говорят, у собачников, постоянно гуляющих в одном и том же месте, возникают дружба и даже романы... Нет, романов я не хочу! Но как назло ни одной бездомной собаки ей не встретилось. Зато попался мужик, торговавший еловыми ветками, и она купила у него три ветки. Пушистые, пахучие, «Новый год должен пахнуть елкой и мандаринами!» А вот мандаринов покупать не буду! Лучше апельсины. Ей понравилась мысль встретить Новый год дома. Может, именно дома в Новый год меня ждет чудо? Нехитрая мысль о том, что не надо искать счастья за тридевять земель, так потрясшая население когда-то самой читающей страны мира, которую оно почерпнуло из поповой притчи Коэльо, позабавила Майю. Счастье – это вряд ли, но покой и тепло на Новый год ей гарантированы, разумеется, если не выйдет из строя отопление. Когда она не предавалась жгучей жалости к себе, у Майи было неплохое чувство юмора, позволявшее иной раз посмеяться над собой. Это и спасало. Как хорошо дома: тепло, уютно, теперь вот еще и хвоей пахнет. На антресолях стоит коробка с елочными игрушками, но лезть за ними было лень и она украсила веточки бусами и клипсами. Получилось очень мило. Потом сбегала в магазин, купила разных вкусностей и фруктов – яблок, груш, винограда.

Апельсины решила не покупать, все-таки цитрусовые... Тридцать первого утром долго валялась в постели, смотрела по телевизору старые фильмы и чем дальше, тем больше ей нравилась мысль встретить праздник дома. А то в последние годы все знакомые обсуждали новогодние телепрограммы, а она никак не могла принять участия в этих беседах. Пришлось даже наврать, что тетушка терпеть не может телевизора, она, мол, так изысканна и старомодна, что не может выносить телевизионную пошлость. Ей вообще пришлось столько придумать о тетушке, что у той сложилась даже целая биография. Ленинградская блокада, потом ее, умирающую, нашел какой-то военный, приехавший к жене с фронта, а жена уже умерла с голоду, и он не смог оставить умирающую соседку... Все

продукты, которые привез жене, он отдал ей, и она выжила, а потом он опять приехал, и у них начался роман, он женился на ней, а в сорок девятом их обоих арестовали. Она выжила, а он погиб в лагерях, и тетушка всю жизнь любила только его...

– Да, эти женщины умели любить, – вздыхали коллеги, утирая слезы. Самое смелое, что она сама поверила в существование тетушки-аристократки, сроднилась с нею, еще бы, ведь тетушка была плодом ее собственной фантазии. Однажды она даже поймала себя на том, что стоит у прилавка и думает: а не купить ли тетушке вот этот теплый платок? Он такой большой, уютный, а в Питере зимой так промозгло...

Но в семь вечера ею вдруг овладела такая тоска, такое отчаяние, что она оделась и помчалась на вокзал. Встала в очередь за билетами, но когда до окошка кассы оставалось совсем немного, ее вдруг зазнобило, она закашлялась до слез. Я болеваю! Куда ж ехать в Питер, где даже голову негде преклонить? С ума я, что ли, сошла? И она вышла из очереди.

– Женщина, вы стоять будете? – крикнул кто-то ей вслед, она только рукой махнула, ее душил кашель. Все решилось само собой! Никакого новогоднего чуда, просто грипп! А уж с гриппом, понятное дело, надо сидеть дома, даже не сидеть, а лежать. Мысль о теплой постели была отрадной. Она добралась до дома, купив по дороге каких-то таблеток, наглоталась их и легла в постель.

Уснула мгновенно. А проснулась в половине двенадцатого, прислушалась к себе и с изумлением поняла, что чувствует себя совершенно здоровой. Ни кашля, ни температуры, ни озноба. Неужто так подействовали какие-то таблетки? Или это было нервное? В подкорке сидела мысль, что ехать нельзя, вот организм и придумал ей грипп, как она придумала тетушку Ангелину Игнатьевну! Да, интересно! Ну что ж, такое надо отпраздновать! Она встала, надела новые трусики, лифчик и колготки. Говорят, в Новый год надо надевать три новые вещи. Посмотрела телевизор, выпила вина, поела и опять завалилась спать, вполне довольная жизнью. И решила, что утром будет спать сколько влезет! Но проснулась рано, съела грушу и подумала: как хорошо дома! Блаженно потягиваясь, включила телевизор и с наслаждением стала смотреть детский фильм, старую «Снежную королеву» с юной Прокловой. И вдруг в дверь позвонили. Она испугалась, словно застигнутая на месте преступления. Накинула халат и выскочила в прихожую. А может, затаиться, не открывать? Звонок повторился. Она прильнула к глазку. Никого не увидела.

– Кто там? – спросила на всякий случай.

– Откройте, пожалуйста! – раздался в ответ детский голос.

- Тебе кто нужен?
- Инга Григорьевна!
- Тут таких нет.
- Как нет? – голос прозвучал испуганно.

Майя открыла дверь. На площадке стояла девочка лет десяти. Пухленькая, веснушчатая, в красной шляпке и клетчатом пальто.

- Ты откуда, Красная Шапочка? – невольно улыбнулась Майя.
- Из Лахти.
- Лахти? Это, кажется, в Финляндии?
- Да, я приехала с папой! А где же мама?
- Какая мама? – поразились Майя.
- Моя мама, Инга Григорьевна Сорочко. Она тут живет, вот адрес! Девочка протянула ей бумажку. Адрес был Майин.
- На лестнице дуло.

– Ты заходи, разберемся, – подбодрила она девочку, у той был испуганный вид.

- Меня зовут Василиса, а вас? Можно я сумку тут поставлю?

Сумка была объемистая.

- Давай сюда, она тяжелая?
- Да. Спасибо! А вас как зовут?
- Майя. Снимай пальто, Василиса! Ты есть хочешь?
- Нет, спасибо, мы с папой завтракали в самолете.
- А где же твой папа?
- Он уехал в Киев.
- Как уехал? – поразились Майя.

– Он на самолет опаздывал, довез меня, сказал, чтобы я пожила три дня у мамы. – Глаза девочки наполнились слезами. – А мамы нет... Она раньше тут жила...

– Господи, что за кошмар! А как же он... твой папа... Он маму предупредил?

– Он сказал, что это будет новогодний сюрприз для мамы. Она откроет дверь, а на лестнице я...

Твой папа полный кретин, подумала Майя.

– Ну ничего, что-нибудь придумаем, поищем твою маму... А пока побудешь у меня.

– Правда?

– Правда, не выгоню же я тебя на мороз... Но папа... У него есть телефон? Он не мог успеть далеко уехать.

– Конечно! – обрадовалась Василиса. Она вытащила из кармашка

мобильник. Набрала номер. – Выключено!

Таких отцов надо убивать! – подумала Майя.

– А вы тут давно живете?

– Два года. А ты почему спросила?

– Тетя Майя, а нельзя как-нибудь найти мою маму? Может, через Интернет?

– У меня, к сожалению, нет компьютера. Можно, конечно, сходить в Интернет-кафе... А кто твоя мама?

– Балерина.

– А где она танцует?

– В кабаре.

Час от часу не легче.

– Ты давно ее не видела?

– Почти два года. Мы с ней на вокзале встретились, когда в Финляндию уезжали. Папа с мамой поссорился, отсудил меня у нее, и мы уехали в Екатеринбург, к бабушке. А потом папа устроился на работу в Финляндии... Мама не сказала, что переезжает... Они с папой все время ругались...

– Знаешь, я, кажется, придумала, как нам найти твою маму! Конечно, сегодня не самый подходящий для этого день... Но попытка не пытка. Ты вот поешь все-таки... Пирожное хочешь?

– А какое? – деловито осведомилась Василиса.

– Есть эклер, есть наполеон.

– А можно сначала наполеон, а потом эклер?

– Можно, – улыбнулась Майя, – но может, сперва бутерброд?

– Нет, спасибо. Лучше пирожные.

– Вообще-то я тебя понимаю. Вот, садись, а мне надо позвонить. Чаю налить?

– Да ну его. А лимонадику у вас нет?

– Увы, чего нет, того нет.

– А какао?

– Какао? Какао где-то, кажется, было! Ага, вот!

Она заварила девочке какао и пошла в комнату звонить. Понимая, что, если ее пошлют куда подальше первого января утром, она не вправе будет обижаться.

Но на ее звонки просто никто не ответил. Господи, подумала Майя, а если бы я все-таки поехала в Питер, что было бы с ребенком? Но что же это за отец? Чудовище какое-то! И как ему удалось отсудить девочку у матери? Или мать совсем уж пропащая? А девчонка такая славная! Красная

Шапочка.

– Можно? – заглянула в комнату Василиса.

– Заходи. Ты сыта?

– Да. Спасибо.

– Слушай, Василиса, а как ты с папой договорилась?

– Он сказал, что четвертого заедет за мной к маме.

– Ну вот что! Я сегодня, в первый день праздника, никуда не дозвонилась. Ты пока останешься у меня.

– Но я к маме хочу... – насупилась девочка.

И тут Майю осенило. Вдруг кто-то из соседей помнит эту Ингу? На этаже было четыре квартиры, в одной из них жила пожилая дама с очаровательной коричневой таксой. Вот к ней, пожалуй, можно заглянуть в одиннадцать утра первого января. Надо только чем-то занять Красную Шапочку.

– Послушай, Василиса, ты можешь одна побыть минут двадцать?

– А вы куда?

– К соседке зайду, вдруг она помнит твою маму и что-то о ней знает.

– А можно я телевизор посмотрю?

– Ну конечно!

В ответ на звонок раздался громкий лай. Значит, соседка дома.

– С Новым годом, – улыбнулась Майя.

– С новым счастьем, Маечка! Заходите, вы не уехали к тетушке?

Майя открыла было рот сказать, что тетушка умерла, но у нее язык не повернулся.

– Тетушка в санатории, – ляпнула она первое, что пришло в голову. – Генриетта Павловна, простите, что беспокою вас в праздник...

– Да какое там беспокойство! Я вам рада. И вот Флавий тоже рад, видите, как хвостом виляет. Садитесь. Хотите кофе? У меня есть вкуснейший рулет с орехами, курагой и изюмом. Попробуйте, очень рекомендую.

– Сами пекли?

– Разумеется.

– Очень вкусно, спасибо. Извините, Генриетта Павловна, у меня к вам дело.

– Слушаю вас, Маечка. Но рулет все-таки ешьте.

– Я ем, спасибо. Так вот... Вы знали Ингу, которая раньше жила в моей квартире?

– Ну, разумеется. Малоприятная особа была. А почему вы спросили?

Майя торопливо объяснила соседке, в чем дело.

– О господи! – всплеснула руками старая дама. – Неужто такое возможно? Это же сюжет для фильма!

Генриетта Павловна когда-то работала редактором в объединении «Экран».

– И вы хотите найти Ингу?

– Конечно. Девочка рвется к матери.

– Я понятия не имею, где ее искать, я не поддерживала с ней отношений. Но меня поражает отец. Какая фантазмагорическая безответственность! Ничего не узнав, привезти ребенка и бросить одного? Невероятно. А знаете, в кино это можно было бы прекрасно разыграть: вы приютили ребенка, привязались к нему, потом возвращается блудный отец и у вас начинается роман...

– У меня не может быть романа с таким идиотом! – сердито отрезала Майя.

– Ах боже мой, романы могут быть и с идиотами, и с мерзавцами, в жизни всякое случается. К тому же я имела в виду не конкретно вас...

– Я понимаю. Значит, вы ничего об Инге не знаете?

– Погодите, если я ничего не путаю, она водила дружбу с Валентиной, которая живет на третьем этаже. Может, она в курсе. Вы с ней знакомы?

– Нет, к сожалению.

– Хорошо, я сейчас ей позвоню. Алло, Валечка, с Новым годом! Спасибо, дорогая. Валюта, у меня к вам один вопрос, довольно деликатный... Прекрасно, просто замечательно! – Генриетта Павловна повесила трубку и объяснила: – Она сейчас поднимется к нам. У нее там трое детей, ужасный шум стоит. А где же сейчас девочка?

– Телевизор смотрит.

– Бедняжка! Может быть, позвать ее сюда?

– Пока не стоит. Мало ли что тут может выясниться.

– Да-да, вы правы! Я очень надеюсь, что Валюша что-то знает. Она женщина редкостной доброты и всех всегда жалеет.

«Женщина редкостной доброты» появилась минут через десять. Ей было не больше тридцати, но, как многие светлые блондинки, она рано обабилась, или дело в трех детях?

– Генриетта Павловна, я вот вам тут пирожки с капустой принесла, вы любите! Ой, здрасте! – кивнула она Майе.

– Познакомьтесь, девочки. Это Валя, а это Майя.

– Очень рада. Я вас в лифте видала! – сообщила простодушная и очень милая Валя.

Они пожали друг другу руки.

– Прости, Валюша, что позвала тебя...

– Ой, да что вы, Генриетта Павловна, я только рада отдохнуть маленько от своих охламонов. Пусть отец с ними повозится, не все же мне... И вы тоже попробуйте пирожков, вкусные!

– Валюша, я сразу перейду к делу. Ты Ингу из шестьдесят второй квартиры помнишь?

– Помню, понятное дело. Так вы же вроде в ее квартире живете? – повернулась она к Майе.

– Да, но я никогда ее даже не видела, всем занимался риелтор. А вы знаете, где ее можно найти?

– Нет, я уж давно ее не видела. А зачем она вам зандобилась, если не секрет?

Майя объяснила.

– Батюшки! Это ж надо выдумать! Привез и бросил! Сам когда-то отнял у Инги дочку, а теперь подкинул? Жуть с ружьем! Я помню, такая была смешная рыженькая девчушка... Она у вас?

– Да. И хочет к маме.

– Знаете что... У Инги одно время был мужик... Она по нему с ума сходила...

– Погодите, Валя, после ее переезда вы с ней общались еще? – перебила ее Генриетта Павловна.

– Ага, общалась.

– Стало быть, у вас должен быть ее адрес или телефон...

– Адрес есть, конечно, только она квартиру свою сдала, а телефона у нее тогда не было.

– А сама куда делась?

– Так я ж начала говорить... был у нее мужик, вот к нему и делась. У него дача зимняя, там и жила. Только мне она телефон его не оставляла. Но я случайно знаю, где он живет!

– А как его зовут?

– Без понятия. Я его всего два раза и видела. Один раз Ингу с ним на улице встретила. Такой приметный мужик, под два метра ростом, большой такой, но ладный, на артиста Сидихина похож. А второй раз я к одной знакомой в гости шла, а он внизу с собакой гулял и за мной в лифт вошел. Я на шестой этаж ехала, а он на четвертый. Я еще у своей знакомой про него спросила, думала, она про Ингу что-то знает, но нет, та сказала, что он живет там с женой, жену звать Роза, она татарка, а про Ингу никто и знать не знает.

– Так, выходит, этот мужчина – наша единственная зацепка...

– Погодите, девушки, – прервала их Генриетта Павловна. – Скорее всего нам эта информация не понадобится. Этот человек, отец девочки, рано или поздно включит свой сотовый.

– Да кто его знает, паразита! – распалилась Валя. – Он, может, вообще решил девчонку подкинуть матери... А вышло, что не матери, а чужой тетеньке! Вот зараза гнойная. Я думаю, надо нам Ингу найти, пускай обратно дочку отсуживает, а мы все в свидетели пойдем, Инга уж небось перебесилась и горюет по дочке... Нет, надо же... прямо как в кино! Слушайте, а может, в милицию заявить? Вот так вот прямо пойти и заявить!

– Нет, в милицию не надо, – возразила Майя, – ни в коем случае! Кто знает, чем это может кончиться... Еще заберут девочку, нервы ей будут трепать. Пусть пока побудет у меня, мне не в тягость.

– Ой, а можно я на нее посмотрю? Я ж ее малюхонькой помню...

– Валюша, не стоит пока, – вмешалась Генриетта Павловна.

– Да почему? Я ж могу ее со своими оглоедами познакомить, ей веселее будет, где трое, там и четверо... Николаша мой за ними присмотрит, а мы пока с Майечкой к тому мужику наведемся. Чем черт не шутит, вдруг он телефончик Инги даст. Чего малую зря мучить, она ж к мамке хочет.

– Пожалуй, это разумно, – согласилась Майя.

– Что ж, попытка не пытка, – пожала плечами Генриетта Павловна. – Хотя я слабо верю, что вы хоть чего-то добьетесь таким путем, тем более если он женат... А может, позвонить по ноль девять и спросить, вдруг они дадут телефон Инги?

– Сейчас квартирных телефонов в справочной не дают, – покачала головой Майя.

– Господи, правда? Почему?

– Это считается вмешательством в личную жизнь.

– Ох ты, господи, никогда бы не подумала! – удивилась Генриетта Павловна. – Ну что ж, если так складывается, попробуйте, девочки. Чем черт не шутит.

– Василиса, мы попытаемся отыскать твою маму, а ты пока побудешь у Валечки, у нее трое детей, тебе скучно не будет, – ласково сказала Майя.

– А они меня рыжей дразнить не будут?

– Нет, у меня младший, Петька, тоже рыжий! И вообще, пусть попробуют обидеть, отец им задаст. Да мы с Майечкой ненадолго. Только в одно место смотаемся и сразу назад.

– С мамой?

– Этого я тебе обещать не могу, как получится, – грустно сказала Майя. – Знаешь, ты дай-ка нам номер папиного телефона. Вдруг нам удастся дозвониться.

– Хорошо!

Девочка продиктовала Майе номер отцовского мобильного.

– Вот и чудненько! Пойдем, Васюта, к нам, тебе скучно не будет.

– А мне скучно не бывает, – ответила Василиса. – Я за компьютером сижу... Но у тети Майи нет компьютера.

– И у нас пока нету, так что с живыми детьми поиграешься, тоже полезно. Майечка, ты одевайся пока и через полчаса встретимся внизу, годится?

– Годится!

Ей очень нравилась Валя, простая хорошая женщина со своей простой и такой нормальной жизнью. Муж Николаша, трое детишек... А ведь она моложе меня. И никаких тебе терзаний, исканий, комплексов... К чему они приводят, если у тебя нет звериного оскала и мертвой хватки или уж какого-то особенного таланта и везения? А вот Валя, не мудрствуя лукаво, исполняет свой женский долг... Тьфу, что за глупые мысли? Что-то навеянное не столько жизнью, сколько «великой русской литературой». Что-то от «Трех сестер», черт побери, так и до Чернышевского Николая Гавриловича додуматься можно. Кажется, ничего тошнотворнее я в жизни не читала. Как остро я в школе ненавидела Веру Павловну с ее снами, с этим ее «миленьким». Забыла, как звали ее мамашу, единственное живое лицо в романе, ну и черт с ней. Странно, меня в детстве так любили, что я полагала, будто все матери обязательно души не чают в своих детях. А как стала постарше да оглянулась вокруг, то увидела, что матери-то, оказывается, разные бывают. И плохих зачастую больше, чем хороших. Или это время такое? Вот эта пресловутая Инга – отсудили у нее ребенка, а она и рада. Или во всяком случае согласна с решением суда. Так, что ли? Давненько, выходит, дочкой не интересовалась, раз папаша не в курсе, что она сменила место жительства? Кошмарная на самом деле история! Несчастный ребенок... А я бы хотела, чтобы Инга не нашлась, а папаша куда-нибудь сгинул. Тогда Василиса останется у меня... Хорошо иметь такую дочку. Валя сразу назвала ее Васютой. Какое славное, теплое имя – Васюта... Как хорошо, когда есть о ком заботиться. Но это я зря размечталась. Вон Генриетта сразу увидела в этой истории сюжет для фильма. Да, в кино у меня должен был бы начаться роман с отцом Василисы... Он начался бы со скандала, грандиозного скандала, который я

бы ему устроила из-за его действительно чудовищного поступка, а он попытался бы объяснить этот свой поступок какими-то немислимой срочности делами, связанными, например, со спасением людей в горах, или в шахте, или в подводной лодке, или в батискафе... Но я ничего не желала бы слушать, твердила бы свое, а он заткнул бы мне рот поцелуем... Но это в односерийном фильме, а в двухсерийном он бы обиделся или разозлился и, забрав ребенка, хлопнул бы дверью. Конец первой серии! А во второй моя одинокая беспросветная жизнь. На память о новогодней истории осталась бы забытая им какая-нибудь вещь, за которой он придет к концу второй серии. Нет, сам он не придет, он пришлет Василису... Но чем же заполнить пустое пространство второй серии? А, знаю! Я в начале первой выдумала не старую тетушку, а любовника, вполне приемлемого, вовсе не принца, а просто подходящего для такой скромной женщины, как я, но достаточно романтического... Ну, во всяком случае, такого, чтобы мне можно было чуть-чуть завидовать... Я бы сама себе изредка дарила подарки, даже довольно дорогие, французские духи например или там сережки, не бриллиантовые, а, скажем, бирюзовые или коралловые... И верила бы сама, что это подарок от возлюбленного. Вполне щемящая нота в новогодней мелодрамке... А одна из завистниц на работе, у которой так же, как у меня, никого нет и к тому же, в отличие от меня, нет воображения, каким-то образом узнаёт, что мой любовник – выдумка чистой воды, и публично меня разоблачает, а я в слезах, униженная и оскорбленная, плетусь домой и вдруг у подъезда на лавочке вижу Василису и ее папу... Класс! Все женщины России будут в восторге, умоются слезами, особенно если папашу будет играть какой-нибудь красивый или смертельно обаятельный актер... Гуськов, например... или Домогаров. Смерть мухам и комарам!

Валя уже ждала ее внизу.

– Ну что, погнали? – улыбнулась она.

– Погнали! А далеко ехать-то?

– Да на «Сокол»!

– Слава богу, хоть не к черту на кулички! Слушай, Валя, а как же мы заявимся к этому мужику, у него ведь жена...

– Ой, правда... Надо придумать чего-то, а то неудобно...

– Легко сказать!

– Слушай, а давай скажем, что его собака нас покусала!

– Обеих, что ли? – засмеялась Майя. – Так придется показать укусы! А если собака сдохла за это время?

– Ой, правда... Да ладно, на месте что-нибудь придумаем. Вдруг он вообще один дома? Жена в гости ушла... Да мало ли... Чего раньше времени

в панику ударяться? Прорвемся! Девчонку жалко...

– Я просто поражаюсь ее отцу.

– Одно слово – козел! – резюмировала Валя. – Май, а ты почему не замужем?

– Я в разводе.

– А другого что, не нашлось?

– Пока нет. В прошлый Новый год встретила одного, показалось, что...

– Когда кажется, креститься надо! А вообще-то, чем с плохим жить, лучше одной.

– А у тебя хороший? – улыбнулась Майя.

– У меня – хороший! – убежденно заявила Валя. – Непьющий, работающий, меня любит, в детях души не чает, руки золотые... И из себя ничего, вполне даже...

– Господи, где ж ты такое чудо нашла?

– У нас на фабрике. Я, Май, на «Красном Октябре» работаю...

– Это кондитерская фабрика?

– Ну да! И он там технологом. Я простая работница, а он у меня технолог! Пищевой институт окончил!

И столько в этих словах было гордости и любви, что Майя ахнула про себя. Неужто еще такое бывает в жизни?

Они некоторое время молчали, потом Майя спросила:

– Валь, а если нас через дверь спросят, кто такие, что скажем? Мы ж даже имени не знаем...

– Да не парься ты. Поглядим, что там такое. Кто спросит, как спросит, спросит ли вообще... – безмятежно ответила Валя. – Честно говоря, я не уверена, что, если даже мы Ингу сыщем, от этого хоть какой-то толк будет.

– Послушай, а ты не думаешь, что разумнее было бы обратиться к арендаторам?

– К каким еще арендаторам?

– К тем, которые квартиру Ингину снимают? Они-то наверняка знают, как с ней связаться... Мне только сейчас это в голову пришло.

Женщины посмотрели друг на дружку и расхохотались.

– Ну и дуры мы! – радовалась Валя. – Вот что значит праздники... совсем крышу снесло! А мы к любовнику поперлись! Хотя... Мы уже почти на месте, так давай все же заглянем к нему! Может, и не придется в Ясенево тащиться. Инга-то в Ясеневе жила.

– А может, она опять дома живет?

– Слушай, нам пять минут ходьбы осталось, не поворачивать же сейчас. Вперед и с песней!

Они вошли в подъезд большого сталинского дома.

– А номер квартиры ты знаешь?

– Не-а, но этаж точно четвертый, собака там, пошумим, авось залает, сам на артиста Сидихина похож!

Майя чувствовала себя ужасно. Неужто придется звонить во все квартиры, не дай бог, разговаривать с женой человека, похожего на артиста Сидихина. Почему-то она представила себе этого «полюбовника» в галифе, белой футболке и в подтяжках. Хотя понятия не имела, носят ли подтяжки с галифе...

Они вышли на четвертом этаже. Бред, идиотизм! Слева от лифта две квартиры были загорожены старыми дверями от лифта. А справа никаких оград не было.

Валя вдруг изо всех сил ударила рукой по сетчатой ограде. Майя замерла. И тут из квартиры справа донесся лай.

– Ну, что я говорила! – с торжеством улыбнулась Валя и нажала на кнопку звонка.

Собака залилась лаем. Но никто им не открыл.

– Слушай, Валь, а какая у того мужика собака? Большая?

– Здоровенная, я в породах не разбираюсь.

– Это лает маленькая! Даже не лает, а тьякает.

– Так большая могла издохнуть, и они маленькую завели, – невозмутимо отозвалась Валя, продолжая жать на кнопку.

– Там никого дома нет, – с облегчением заметила Майя, чувствовавшая себя очень неловко.

– Да ну прям, дрыхнут небось с перепоею!

Но тут подъехал лифт, двери разошлись, и оттуда вышел мужчина. На артиста Сидихина он не был похож.

– Вы к кому, девушки?

– Ой, с Новым годом! – широко улыбнулась ему Валя. – Мы тут мужчину одного ищем, высокий такой, белобрысый, с собакой. Он в этой квартире живет?

– Нет, тут живет пожилая леди. А описанный вами персонаж тут вообще не обитает. Вы, может, этажом ошиблись?

– Да вроде нет... – растерялась Валя. – Он такой, похож на артиста Сидихина...

– Увы, я не знаю такого артиста, – развел руками мужчина.,

– Телевизор-то у вас есть? – с некоторым даже презрением спросила Валя.

– Есть, только я смотрю обычно новости и спорт.

– Извините, мы пойдем, пошли, Валюта! – подала голос Майя.

Мужчина снял меховую шапку. Он тоже был похож на какого-то артиста, правда, на какого, Майя не могла вспомнить, но сердце у нее почему-то екнуло.

– Послушайте, дамы, зачем вам тот человек понадобился? Может, я могу помочь?

Ему хорошо за сорок, определила Майя.

– Да мы женщину одну ищем... – поспешила объяснить Валя.

– Так женщину или мужчину?

– Женщину, но чтобы ее найти, нам нужен тот мужик...

– А у женщины имя-отчество-фамилия есть? В справочную обратиться не пробовали?

По-моему, он на меня как-то особенно смотрит, мелькнуло в голове у Майи. Или мне мерещится?

– Адрес мы знаем, только она там не живет. Ладно, мужчина, мы пойдем.

– И куда ж вы сейчас? – спросил он.

– А вам зачем? – засмеялась Валя.

– Да вот могу вас подвезти, у меня машина внизу.

Сердце у Майи екнуло еще сильнее.

– Нам далеко, в Ясенево, – недоверчиво протянула Валя.

– Нет проблем, только вот права возьму.

– А вам чего, мужчина, делать, что ли, нечего? – любопытствовала Валя.

– Вот именно, милые дамы! Совершенно нечего делать! А помочь в праздник двум таким очаровательным особам – святое дело! Может, хоть один грех искуплю.

– А у вас грехов, что ли, много?

– Хватает! – засмеялся он.

– Ну надо же! – удивилась Валя.

– Дамы, а вы не хотите на минуточку ко мне заглянуть, как говорили когда-то военные, «оправиться-покурить», а то дорога не ближняя.

Валя залилась краской, прыснула в кулак.

– Спасибо, мужчина, вы такой понимающий... А вы, часом, не маньяк?

Он расхохотался.

– Нет, девушки, не маньяк, хотя женщин люблю. Заходите, не стесняйтесь. По коридору направо!

– Чур, я первая! – крикнула Валя.

– Славная у вас подруга!

– Да, очень!

– А как вас зовут, а то мы разговариваем, вон даже в поездку собираемся, а друг другу не представились. Меня зовут Борис Андрианович.

– Майя. Майя Сергеевна. А подруга – Валя. Отчества не знаю.

– Ну для отчества вы еще молоды.

Он установил дистанцию, подумала Майя. Ну и хорошо. Пусть. Он в сценарий не укладывается, так, случайный эпизод. За рулем он должен спеть какую-нибудь песню... возможно, Визбора или Митяева, и еще он расскажет, что вдовец, что безумно любил жену... Нет, его жена жива, просто уехала на Новый год к маме или к сестре, а ему одиноко, но он ее безумно любит и у него есть внуки...

Тут появилась слегка смущенная Валя.

– Май, теперь твоя очередь.

Майя рассмеялась, но пошла в том же направлении.

Квартира была чистая, ухоженная, явно чувствовалось присутствие женщины. Да, подумала Майя, это эпизод с песней Визбора, не более того. Но на кого он все-таки похож?

– А вы не голодны? – спросил он.

– Нет! – разом ответили женщины.

– Ну что? Тогда по коням?

Едва они вызвали лифт, как оттуда вышла пожилая женщина.

– С Новым годом, Мария Яковлевна! – приветствовал ее Борис Андрианович.

– С Новым годом, Боренька, голубчик! Скажите, Боря, у вас есть дрель?

– Боже, зачем вам дрель?

– Вадик обещал заехать и повесить картинки после ремонта. Не могли бы вы мне ее дать?

– Разумеется! Одну минуту. Девушки, спускайтесь пока. У подъезда вишневая «Нива».

– Какой дядечка клевый, скажи, Май!

– Кажется, да, ничего, – осторожно ответила она.

– Он, между прочим, на тебя глаз положил!

– Да ну, не выдумывай!

– Ничего я не выдумываю! Прямо сразу, как из лифта вышел, глянул и пропал. А иначе за каким чертом ему с нами в праздник по городу таскаться?

– Валя, по-моему, он тоже на какого-то актера похож.

– Не знаю, если только на ненашего... А я не наших по именам не запоминаю, только Бельмондо. Ты, Май, вперед садись, пусть ему приятно будет. А вот говорят, хороших людей не осталось. Врут, правда же?

– Наверное, врут, – вздохнула Майя, вспомнив прошлый Новый год.

Тут из подъезда вышел Борис Андрианович. Крупный, слегка мешковатый... Кого, кого он мне напоминает?

– Садитесь, девушки! – Он открыл заднюю дверцу «Нивы».

– Ой, а можно Майя вперед сядет, ее сзади укачивает! – сразу взялась за дело Валя. Майе стало смешно.

– Отлично, садитесь, Майя. – Он помог ей сесть и галантно закрыл дверцу.

– Майя, вперед и с песней! – успела ей шепнуть Валя.

– Ну, девушки, куда двинем? В Ясенево, кажется?

– Да.

– И кого же это вы разыскиваете в первый день праздника? Старую подругу?

– Ой, Борис Андрианович, тут такая история, умереть не встать!

– Ну и дела! – заметил он, выслушав рассказ Вали о Василисе. – Такого отца надо пороть на площади. И то мало будет.

– А может, он служит, к примеру, в МЧС и его срочно куда-то вызвали, – попыталась оправдать своего будущего возлюбленного Майя.

– Ага, чужого дядю спасай, своего ребенка бросай, так, что ли? – закричала Валя. – Никакое МЧС такого требовать не имеет права.

– Вы не в курсе, мать девочки лишили материнских прав?

– Нет, точно, что не лишили. Просто он ее увез после решения суда.

– А она ездила к ней, пыталась с ней увидеться?

– Вроде пыталась... – грустно ответила Валя.

– Да, история, несчастный ребенок...

– Она не производит впечатления несчастной, – вмешалась в разговор Майя. – Она веселая, упитанная, развитая и, кажется, не слишком напугана более чем странным поведением папаши, который сбыл ее с рук и даже мобильник отключил.

– Учитывая то, что он в свое время девочку отсудил, это по меньшей мере дико, – заметил Борис Андрианович. – Может, у него с головой не все в порядке? Влюбился небось по уши...

– Ну даже и влюбился, мужчина холостой, вроде имеет право, но как не позвонить, правда же? И вообще, откуда он знает, что мать в новогоднее утро дома? А может, она за город уехала или вообще... Нет, таких отцов сажать надо, правда же, Борис Андрианович?

- Да бог его знает, что там у него стряслось...
- Ой, не могу, мужская солидарность! – возмутилась Валя. – Вы вот свою кровиночку так бросили бы?
- Да как сказать... Помню, я молодой совсем был и поехал с сынишкой к другу в Одессу, ну, на пляже в карты заигрался, а он в воду полез, чуть не утонул, его какая-то женщина вытащила, дай ей Бог здоровья. Я чуть с ума не сошел, больше карты в руки не брал...
- А жена ваша что сказала?
- Она и по сей день ничего об этом не знает, – засмеялся Борис Андрианович. – А я начал сына плавать учить и вообще к спорту приобщать.
- Сколько ж лет вашему сыну? – полюбопытствовала Валя.
- Двадцать пять уже. Он сейчас в Канаде работает.
- Не хоккеист часом?
- Хоккеист, а как вы догадались?
- А как фамилия? У меня муж на хоккее повернутый... Как прочитает в газете, что еще кто-то в Канаду продался, так сердится, ужас. Он у меня вообще-то добрый, но вот... Так как фамилия-то?
- Зачем же вашего мужа лишний раз сердить? – улыбнулся Борис Андрианович.
- А я ему не скажу! Мне самой интересно!
- Евгений Ясный, слышали про такого?
- Да! Слыхала, конечно! Он у вас красивый! Я в «Семи днях» репортаж видала. А вы... у вас тоже фамилия Ясный?
- Естественно!
- Ой, красивая фамилия!
- Вы находите?
- Ну правда, красивая фамилия! Не то что у нас, мы – Ликсюткины! А моя девичья фамилия вообще жуть, одно мученье. Заяц! Меня в школе задразнили...
- А по-моему, хорошая фамилия – Заяц! – подала голос Майя. – Как тебя могли дразнить, Зайкой, наверное, или Зайчихой...
- Да, до восьмого класса так и дразнили, а когда в меня Вовка Лебедушкин втюрился, так стали кричать: «У Зайца яйца»! Думаете, приятно?
- Все расхохотались.
- А что это Майя ничего о себе не рассказывает? Мы вот с Валечкой уже о себе многое поведали, а вы молчком. Нехорошо, не по-товарищески!
- А у меня ничего такого интересного не происходило. Я вообще

много лет Новый год в Москве не встречала, к тетушке в Питер ездила. Она у меня одинокая... Собственно, она мне не тетка, а двоюродная бабушка...

Какая она грустная, эта Майя, подумал Борис Андрианович. А лицо прелестное. Нежное, тонкое... Так и хочется погладить ее по щеке...

– А вы, девушки, давно дружите?

– Только нынче утром познакомились! – радостно рассмеялась Валя.

– С ума сойти, никогда бы не подумал.

– Ой, Борис Андрианович, а можно я у вас спрошу одну вещь...

– Спрашивайте, Валюта!

– А почему вы на «Ниве» ездите?

– А чем вам «Нива» не нравится? – засмеялся Борис Андрианович. – Неплохая машина, недорогая в обслуживании, проходимость хорошая. Я доволен.

– Ну, у вас сын небось богатый, мог бы отцу иномарку подарить, – слегка смутившись, сказала Валя.

– Еще не хватало! Я что, немощный старик, по-вашему? Мне если что понадобится, я и сам себе заработаю.

– Извиняюсь, я вас обидеть не хотела!

– А я и не обиделся, просто разъяснил ситуацию.

Гордый, подумала Майя. Молодец!

– А вы в Канаде были у сына? – как ни в чем не бывало продолжила свой допрос Валя.

Это уже начинало раздражать Майю, но, с другой стороны, избавляло ее самое от расспросов.

– В Канаде был, но не у сына, а гораздо раньше, по собственным делам.

– Ой, а вы кто же по профессии?

– Океанолог.

– Это ж вы по полгода в морях болтаетесь, да?

– Точно, болтаюсь, – усмехнулся Борис Андрианович.

– И не страшно?

– Почему же? Бывает страшно, да еще как. С океаном не пошутишь.

Майе понравилось, что он не стал перед наивной Валечкой строить из себя бесстрашного морехода. Да, он мореход, Синдбад-мореход... Романтично, однако. Нет уж, хватит с меня романтики. Да и немодно это нынче. Вот в поколении мамы геологи, океанологи, полярники считались невесть какой романтикой, а сейчас хоккеист, играющий в Канаде, куда более волнующая фигура, чем какой-то океанолог. Ну еще бы, у него денег сколько...

– Ну, девушки, а вот и Ясенево! Какая улица?

– Литовский бульвар!

Они нашли нужный дом. Он оказался огромным, на целый квартал. Затормозив у подъезда, который ему указала Валя, Борис Андрианович предложил:

– Вот что, девушки, вы идите, а я тут подожду.

– Спасибо, вы такой хороший! – искренне воскликнула Валя.

– Валя, – вдруг решила Майя, – Валюша, ступай одна, ты ведь Ингу знаешь, а я... Я тоже тут подожду...

Валя хотела было возразить, но потом осеклась.

– Ладно, только вы меня тут не бросайте, дождитесь!

– Господь с тобой, Валя! – укоризненно воскликнула Майя и залилась краской.

Борис Андрианович вдруг заволновался. Майя так нравилась ему, что даже в горле пересохло.

– Какая милая женщина, – смущенно проговорил он, глядя вслед Вале.

– Да, я рада, что познакомилась с ней, она теплая такая...

– Ничего, если я закурю? – охрипшим голосом спросил он.

– Курите, пожалуйста, я привыкла.

– Ваш муж курит?

– Я давно в разводе, и муж как раз не курил. Курили родители, их друзья, да и у нас в агентстве почти все курят.

– В каком агентстве?

– Я работаю в рекламном агентстве.

– Не может быть!

– Почему? – удивилась Майя.

– Мне всегда казалось, что люди, работающие в рекламе, до ужаса наглые и могут прошибить лбом любую стену, даже Великую Китайскую, но к вам все это явно не относится.

– Это правда, – улыбнулась Майя, – но я не агент, я, собственно, что-то вроде редактора, я слежу, чтобы рекламные тексты были грамотными, ну иногда и сама сочиняю слоганы...

– Что вы закончили? Филфак или пединститут?

– Филфак, а как вы догадались?

– Интуитивно, – улыбнулся он. – Майя, в этом году праздники такие длинные... Вы на лыжах ходите?

– Давно уж не ходила.

– А театр любите?

– Да нет... А вы что, меня клеите? – неожиданно даже для самой себя

спросила она.

А он жутко обрадовался.

– Ага, я вас клею или кадрю, как вам больше нравится! Или вам это не по душе?

– По душе, – тихо сказала Майя и потупилась.

– Майя, вы мне ужасно нравитесь.

Он взял ее руку и поцеловал в ладонь. Она вздрогнула. Подняла на него глаза. Он смотрел так ласково, так взволнованно, что ей немедленно захотелось обнять его, прижаться к нему... Что это? Долгожданное новогоднее чудо? Нет, чудес не бывает, а новогодние чудеса кончаются плохо, от них потом долго еще болит сердце и, как пишут в романах, «кровоочит душа». А этот даже не скрывает, что женат, значит, может предложить только адюльтер... Конечно, адюльтер все же лучше, чем ничего, но я устала. Я больше не хочу...

Он сразу заметил, что она вдруг погасла. Я сделал что-то не так, я поторопился, с ней, видимо, надо иначе... Что ж, она того стоит.

Из подъезда выбежала Валя.

– Облом! – воскликнула она, садясь в машину. – Инга уехала по контракту в Арабские Эмираты.

– Господи, несчастный ребенок! – огорчилась Майя.

– Давай попробуем папаше звякнуть, – напомнила Валя.

Но телефон был по-прежнему выключен.

– Вот ублюдок! Просто зла не хватает, своими бы руками удавила! – горячилась Валя.

– Вот что, девушки, есть идея! – подал голос Борис Андрианович. – Папаша этот обещал забрать девочку четвертого числа, а завтра только еще второе. Посему предлагаю умотать ребенка по всяким зрелищным мероприятиям, чтобы ей некогда было грустить. Цирк, дельфинарий, уголок Дурова, да мало ли что можно придумать! А если еще взять Валечкину команду...

– С моей командой ничего не выйдет, мы завтра с утрачка в Ковров уезжаем, к Николашиным родителям.

– Жаль, но ничего, мы с Маечкой и вдвоем ее умошаем так, что спать будет без задних ног и ни о чем не вспомнит!

– Вот сразу понятно, что сыну вашему двадцать пять лет, – улыбнулась Валя. – Где вы билеты на все это достанете?

– Достану, не сомневайтесь, у меня такой блат! – весело воскликнул Борис Андрианович. – Дайте мне ваш телефон, Майя, и я вечером сообщу вам программу на завтра. Думаю, с утра мы Василису отправим на какую-

нибудь елку...

– Не уверена, что ей это будет интересно, – заметила Майя, – она – компьютерный ребенок.

– Думаете? Ну что ж, к чертям елку. Пойдем в зоопарк или еще куда-то. – Он остановился на светофоре, вынул из кармана сотовый телефон. – Говорите ваш номер, Майя.

Ей понравилось его предложение развлекать Василису на всю катушку. Придется дать ему телефон, но как только Василису заберут, я его пошлю... Не надо мне таких радостей, ни к чему. Хватит с меня! Он не укладывается в сценарий... Слишком уж банально... Искать подход к женщине через ребенка, пусть даже чужого... Да, на этот раз я использую его. Меня достаточно часто использовали, теперь моя очередь. Он, кажется, не из тех, кто будет в случае отказа вести себя по-хамски. Вот и отлично.

У Василисы сделалось такое грустное лицо, когда ей сообщили, что мать в отъезде.

– Тетя Майя, а можно я сейчас к вам пойду? – спросила она дрожащим голосом.

– Конечно, я за тобой и пришла! – нарочито бодро заявила Майя.

– Спасибо!

Майя сама едва сдерживала слезы.

– Ты есть хочешь?

– Нет, Николай Иванович нас покормил.

– А пирожное?

– Нет, спасибо.

– А хочешь, я тебе какой-нибудь фильм поставлю?

– На видео?

– Да.

– У вас разве есть детские?

– А ты только детские смотришь?

– Нет, конечно, просто папа дает мне только детские. Но когда его нет, я всякие смотрю. Некоторые он убирает на верхнюю полку в шкаф, но достать не проблема. Я думала, там у него интересное, про любовь... А оказывается, про войну и про бандитов, совсем неинтересно.

– А ты любишь про любовь?

– Ага!

– А хочешь, я тебе поставлю один спектакль, очень веселый, тебе понравится. Я его видела в театре, когда была младше тебя, и до сих пор обожаю.

- Про любовь?
- И про любовь тоже.
- Хорошо. Спасибо, тетя Майя.
- Знаешь, ты зови меня просто Майя.
- Хорошо. А вы со мной тоже будете смотреть?
- Обязательно.

И Майя поставила ей «Хануму». Они сели рядышком на диван. Майя принесла два пакетика фисташек и бутылку кока-колы.

– Ну вот, теперь можно смотреть!

Ей было немного тревожно. Вдруг девочке станет скучно, вдруг возникнет непонимание, но нет. Сначала Василиса весело смеялась над пьяным князем в исполнении блистательного Стржельчика, а потом полностью погрузилась в атмосферу старого Тифлиса, изредка задавая Майе вопросы, и в какой-то момент Майя вдруг почувствовала, что девочка радуется, по-настоящему радуется! Радуется искусству! Чему еще может радоваться эта бедняжка, пусть невольной, но подкинутая чужой тетке? А Василиса уже подпевала дивной Людмиле Макаровой: «С той поры, как создан свет, лучше свахи в мире нет, я в работе день-деньской, продолжаю род людской!» И Майя, бесчисленное множество раз видевшая спектакль, вновь преклонилась перед гением Товстоногова. И ведь не Шекспир, не классика, а пустячок, водевиль, но это настоящий Театр! С большой буквы!

– Какой кайф! – захлопала в ладоши Василиса. – Майя, мне так понравилось! А можно еще раз посмотреть?

– Можно, но не сейчас. Тебе пора спать! Уже десять часов. Пойдем, помоешься и в кровать!

– Я сама моюсь!

– Конечно, сама, ты же большая. Я только дам тебе полотенце, мочалку. У тебя есть зубная щетка, ночная рубашка?

– Есть. Мне Лийза уложила сумку.

– Лийза это кто?

– Она вроде няни...

– Финка?

– Нет, русская, но была замужем за финном. Она хорошая.

– Ты достань из сумки одежду, мы ее в шкаф повесим.

Василиса принялась вынимать вещи из сумки.

– Ой, Майя, смотрите, это же папин телефон! Он забыл его...

Она испуганно протягивала Майе мобильник.

– Теперь понятно, почему он выключен... – вне себя от злости проговорила Майя.

– Он на самолет опаздывал...

– Ничего страшного. Четвертого он приедет сюда. Он же, наверное, уже сообразил, что потерял телефон.

Господи, что за кретин, думала Майя, стеля постель. Вот мне бы такую дочку... А эти папаша с мамашей не родители, а сплошное недоразумение. И никакой он не герой-эмчеэсник, просто болван. Придется переписать сценарий и отдать главную роль Борису... Андриановичу.

Она уложила чистую, пахнущую гелем для душа «Мята с шоколадом» Василису, погасила свет и ушла на кухню с книжкой. Инна настоятельно советовала ей почитать бестселлер ушедшего года «Код да Винчи», но не читалось, она была слишком взволнована. А вдруг этот безумный папаша вообще не объявится? Вдруг он решил избавиться от дочки? Я-то буду счастлива, но каково девочке придется? Ужас! Нет, нельзя об этом думать! Я буду его разыскивать, его и мать. Кажется, там есть бабушка в Екатеринбурге. Вероятно, еще нестарая, отцу, по словам Василисы, всего тридцать шесть, как мне... Борис Андрианович обещал позвонить... Интересно, позвонит или нет? Наверное, нет, он скорее всего подумал, вернее, одумался и решил, что ему не нужны лишние хлопоты. Он и так свозил нас в Ясенево, потом отвез домой, и хватит, он совершенно чужой человек... Как странно, чужой человек, но уже не кажется чужим... Интересно, такое бывает в одностороннем порядке? Ее мысли прервал телефонный звонок. Она вздрогнула. Борис?

– Алло!

– Инга? – раздался незнакомый мужской голос. – Инга, ты меня извини, но обстоятельства так сложились...

– Я не Инга!

– Так позовите ее.

– Вы Игорь?

– Инга, кончай придуриваться, меня не обманешь! Василиса где?

– Она спит. Послушайте...

– Нет, это ты меня послушай! Посмотри в Василисиной сумке, я, кажется, забыл мобильник!

– Вы действительно забыли мобильник, но я не Инга!

– Слушай, ты всегда любила в игры играть, а мне не до того, у меня Сенька умер, я чуть на похороны не опоздал, уже на кладбище в последний момент примчался, он не умер, его убили, Людка одна с тремя пацанами...

– Я вам очень сочувствую, но я не Инга, Инга уже два года тут не живет.

– Не понимаю, как можно придуриваться, когда тебе такое говорят, я

не глухой и не идиот, я же слышу твой голос, дура ненормальная!

– Нет, это вы дурак ненормальный, и вы безусловно глухой идиот, – расвирепела Майя, сама себе удивляясь. – Я русским языком вам говорю, Инга тут больше не живет! Она уехала работать в Арабские Эмираты и почему-то не поставила вас в известность. Вы оба весьма странные люди и никудышные родители!

В трубке слышалось глухое сопение.

– Вы чего? Это правда?

– Да, правда, меня зовут Майя, Майя Красногорская, я уже два года живу в этой квартире, Ингу в глаза не видела, но сегодня попыталась ее найти и выяснила, что она в Арабских Эмиратах.

– А Василиса? – упавшим голосом спросил горе-папаша.

– Спит, я же сказала.

– С ней все в порядке?

– Да. Она говорит, что вы четвертого должны за ней приехать.

– Ну надо же, у вас с Ингой так голоса похожи... Послушайте, девушка, вы, конечно, извините, что так вышло... Дотерпите с моей девочкой до четвертого?

– Безусловно.

– А если до шестого?

– Что?

– Понимаете, ситуация такая... Брата моего убили... Надо жинке его помочь все утрясти, а тут праздники, будь они неладны. До четвертого могу и не успеть...

– Видите ли, я, разумеется, буду только рада, ваша дочка – прелесть и мне будет приятно, но все же вы поговорите с ней. Она ведь вместо матери попала к чужой тетке.

– Вы не тетка, – голос невидимого собеседника вдруг приобрел бархатные нотки. – Я просто вижу, что вы красавица..

– Я не красавица и не клюю на такие дешевые приемчики. Позвоните завтра утром и поговорите с девочкой.

– А вы сейчас ее не позовете?

– Нет! – отрезала Майя. – Она спит, у нее был тяжелый день.

– Послушайте, Майя Красногорская, разбудите ее, завтра у нас с утра столько дел... Похороны, поминки...

– Стоп! Вы начали с того, что едва успели на похороны... К тому же я не уверена, что первого числа вообще кого-то хоронят...

– Ну да, виноват... Похороны завтра, это правда. А вам нравится моя дочка?

– Она мне очень нравится, а вот вы...
– Ну вы же меня не видели еще...
– А что, это такое сногшибательное зрелище? – хмыкнула Майя.
– Ладно, простите дурня, просто вдруг подумал... Вы замужем?
– Нет, но за вас замуж не собираюсь.
– А может, я ваша судьба?
– Идите к черту! – не выдержала Майя. – Вы...
– Врун, болтун и хохотун, знаете, как у Высоцкого? Но я в принципе хороший парень.
– Вы пьяны? – догадалась вдруг Майя.
– Ну уж и пьян... выпил малость с горя, а услышал ваш голос, представил себе всю эту историю, ну прямо как в детском кино, меня и пробрало... Вы не думайте, я вам все возмещу...
– Что возместите? – крайне удивилась Майя.
– Ну, расходы ваши на Василису...
– Идите к черту!
– Понял! Значит, вы потерпите ее до шестого?
– Да! Только уж вы найдите все-таки время позвонить ей, а то она бог знает что вообразить может.
– Обязательно! Что вы, я ж ее люблю не знаю как... Майя, а вы это... все-таки замужем?
– А вам какое дело?
– Нет, я так спросил... Ладно, извините меня ради всего святого, но у вас голос и вправду как у Инги. Один в один! Из-за этого все и вышло. Я вам накануне звонил, вы трубку взяли, а я повесил... А потом еще как прилетел позвонил, вы опять сняли трубку, ну я и решил, что Инга дома... До встречи!

Майя пришла в смятение. Этот человек какой-то странный – легкомысленный, вязкий, похоже, врун, каких мало, и в то же время наивный и чем-то обаятельный...

Она на цыпочках вошла в комнату. Василиса спала на диване, укрывшись с головой, а маленькая розовая пятка высунулась наружу. Майя поправила одеяло, потушила верхний свет и опять ушла на кухню. Ложиться спать рано, да и Борис Андрианович может еще позвонить. Хотелось, чтобы позвонил. Но он не позвонил.

Майя проснулась, когда было уже светло. Василиса в ночной рубашке стояла на стуле и вертела в руках снятый с полки белый бюстик Наполеона.

– Привет, ты зачем туда залезла? – улыбнулась Майя.

- Это кто? – спросила Василиса.
- Наполеон.
- А зачем?
- Что зачем?
- Зачем он тут стоит?
- Да ни за чем. Подарил один дурень, ну не выбрасывать же великого императора.
- А если разобьется, вам жалко будет?
- Да нет. Ты хочешь его разбить? На здоровье.
- Нет, зачем, я так спросила... А этот Наполеон, он, что ли, торты любил?
- Может быть, я как-то не задумывалась... Знаешь, вчера папа звонил. Василиса поставила на место бюстик и прыгнула на пол.
- Что он сказал?
- Что придет за тобой шестого и что обязательно еще позвонит. Ты давно проснулась?
- Не очень.
- Что ты хочешь на завтрак?
- Мюсли с молоком.
- А у меня нет мюслей. Потом сходим, купим, какие ты захочешь. Может, овсянку?
- Василиса скроила такую рожу, что Майя сразу поняла – овсянка не пройдет.
- А хочешь «арме риттер»?
- Что? – удивилась Василиса.
- Жареный белый хлеб, вымоченный в молоке. Можно с медом, можно с вареньем.
- Хочу, это, наверное, вкусно.
- Очень! – воскликнула Майя. У нее у самой потекли слюнки при воспоминании об этом блюде ее детства.
- А как, вы сказали, это называется?
- Моя бабушка называла это «арме риттер», то есть бедный рыцарь. Это по-немецки.
- А варенье у вас какое есть?
- Вишневое и клубничное. Ты какое больше любишь?
- Вишневое, – уверенно ответила Василиса и побежала в ванную комнату.
- Как ты вкусно готовишь! – воскликнула она, умяв уже третий кусок

жареного хлеба с вишневым вареньем. – Ой, простите! – поправилась она тут же.

– Ничего, говори мне «ты», так всем удобнее. – Ну, что мы с тобой сегодня будем делать?

– Я хочу в Кремль!

– Попробуем! Вчера один дядька обещал достать билеты в цирк, в театр, но, похоже, обманул.

– Тот, который Наполеона подарил?

– Нет, совсем другой.

– Мужчины все обманщики, – вздохнула Василиса.

Но тут зазвонил телефон.

– Это папа! – закричала Василиса.

– Нет, папа утром очень занят.

– Майя, это Борис... С добрым утром.

– С добрым утром, Борис Андрианович, – обрадовалась Майя. – Я уж решила, что вы не позвоните.

– Ну что вы! Просто я вчера предпринимал титанические усилия, чтобы обеспечить Василисе культурную программу, и закончил очень поздно, звонить в такой час было уже неприлично.

– И ваши усилия увенчались успехом?

– Вы улыбаетесь, да? Мои усилия были ненеприятны. Сегодня мы идем в цирк, все втроем! На дневное представление. Завтра на «Щелкунчика».

– Тоже втроем?

– Я сто лет не был на балете. А еще завтра мы пойдем в дельфинарий, а на четвертое я ничего не наметил, вдруг отец рано заберет девочку... Вы, кстати, с ним связались?

– Да, я расскажу при встрече. Спасибо огромное.

– Я заеду за вами в половине двенадцатого.

– Ну вот, мы сегодня идем в цирк! – возвестила Майя.

– А в Кремль?

– Успеем и в Кремль, не волнуйся. Ты в цирке была когда-нибудь?

– Была, с бабушкой в Екатеринбурге.

– А балет видала?

– Только по телевизору, папа говорит, это скучота!

Много твой папа понимает, подумала Майя, но вслух сказала:

– Нет, балет – это очень красиво!

И тут опять зазвонил телефон.

– Это точно папа!

И Василиса схватила трубку.

– Слушаю! Папа? Ой, извините, сейчас. Это тебя. – Лицо у нее стало грустное.

– Алло!

– Майка, откуда у тебя взялся ребенок? – смеялась Инна. – Я подумала, ты уже вернулась... Ну как съездила? Как тетушка? «Все девушкой, Минервой?» – процитировала она «Горе от ума».

– Она в больнице, я не ездила... – лягнула Майя. – Она не хочет.

– Что ж ты не позвонила, не пришла встречать? И что с теткой?

– У нее... печень... Она очень раздражена.

– Тетушка или печень?

– Обе!

– А ребенок откуда?

– Ой, Инка, тут такое творится! Василиса, иди одевайся!

Майя поведала подруге историю появления в ее доме Василисы.

– Обалдеть! Кино и немцы! – отреагировала Инна.

– Инка, что за выражение? – засмеялась Майя.

– Понимаешь, Федька привел девицу, которая на все закатывала глаза и восклицала: «Кино и немцы!» Вот я и заразилась.

Борис Андрианович ждал внизу, стоя у своей «Нивы».

– О, девушки, привет!

– Добрый день, – улыбнулась Майя.

– Здравствуйте! – сделала книксен Василиса.

– Прошу садиться.

– А вы кто, Майин папа?

– Да ты что! – испуганно воскликнула Майя.

– Я таким старцем выгляжу? – усмехнулся Борис Андрианович.

Но Майя почувствовала, что ему это было неприятно.

– Василиса от смущения сболтнула глупость, – решила поправить дело Майя. – А мы в какой цирк едем, в старый?

– Да, на Цветном бульваре.

– Сто лет не была в цирке, с раннего детства...

– А я с раннего детства моего сына. Не так уж Василиса далека от истины. Вот, благодаря ей мы и вспомним, каково это – ходить в цирк!

– Я не хожу в цирк, потому что не могу смотреть на дрессированных зверей, мне их жалко.

– Почему? – спросила сзади Василиса.

– Ну, они же не для цирка родились на свет...

– Ты думаешь, их там мучают?

– Я не знаю, но мне так кажется...

– Сегодня во втором отделении как раз дрессированные хищники, тигры и пантеры, – сообщил Борис Андрианович.

– Ой, – ужаснулась Майя, понимая, что ей предстоит.

Но тут они подъехали к цирку.

– Так, дамы, предупреждаю – после цирка мы все идем в ресторан, там Василису ждет сюрприз!

– Здорово! Я хочу мороженого!

– А тебе можно мороженое? – засомневалась Майя, которой в детстве довольно долго запрещали его есть.

– Можно! Очень даже можно!

Мороженое было куплено. А еще Василиса сфотографировалась с живым тигренком. Восторг был полный. Майя ей даже позавидовала.

– Васюта, а он приятный на ощупь? – спросила она.

– Как папин вишневый свитер.

Но тут прозвенел звонок.

Когда они уселись на свои места в шестом ряду, Майя закрыла глаза и принялась. В цирке со времен ее детства многое изменилось, но запах остался прежний. Василиса сидела между ней и Борисом Андриановичем.

Вдруг сзади кто-то тронул его за плечо. Он оглянулся. Немолодая женщина в шапке из рыси.

– Боря, что ты тут делаешь?

– Лида, привет! Вот так встреча! Ты с кем тут?

– Я-то с внучкой, а вот с кем ты?

Рядом с ней сидела девочка лет шести и беспрерывно вертела головой во все стороны.

– А ко мне родственники приехали из Екатеринбурга... – слегка смутился он.

Василиса вдруг подмигнула Майе.

А Майя покраснела. Черт знает что, подумала она. Просто кино и немцы! Хорошо, что Василиса сидит между нами. Я вовсе не хочу, чтобы у этого милого человека были из-за нас неприятности. Тетка в рысей шапке была очень похожа на тех, кто с упоением сообщает гадости о неверных супругах и подписывает анонимки «Доброжелатель». Стоп, о какой неверности речь? Кто кому неверен? Мы просто повели в цирк девочку, случайно попавшую в сложное положение, не более того. В сценарии такая тетка не предусмотрена, да и вообще как бы все не вернулось к первоначальному варианту с Василисиным папой... У него ужасно

сексуальный голос, да и вообще он, наверное, симпатяга, весельчак... Врун, болтун и хохотун... Еще молодой, красивый и отчаянно одинокий... У него есть только Василиса... И ему с ней трудно... А она... умница, сразу все поняла про тетку в рысьей шапке и так весело мне подмигнула... Он и впрямь староват для меня, и к тому же у него есть жена, взрослый сын. Ну его в самом деле! А новый год начался многообещающе! У меня появился выбор! Да, тетушка что-то зажилась, пора окончательно пришить старушку! Майя вдруг развеселилась. И с наслаждением предалась искусству цирка. Даже второе отделение с дрессированными хищниками вопреки ожиданию доставило ей удовольствие. Звери были так красивы и грациозны, и дрессировщик работал непринужденно, словно был с тиграми и пантерами на дружеской ноге. Майя, сама себе поражаясь, самозабвенно хлопала вместе со всеми.

– Я вижу, вы получили удовольствие, – тихо сказал Борис Андрианович. – И вам это к лицу.

Майя посмотрела ему в глаза и смешалась. Кино и немцы!

– Дядя Боря, а какой сюрприз в ресторане будет? – любопытствовала Василиса.

– Увидишь! – загадочно ответил Борис Андрианович.

Они приехали в большой и явно дорогой ресторан, где еще в дверях слышали детский гомон. В глубине ресторана стены были увешаны пестрыми шариками, украшены еловыми гирляндами, а вокруг елки Снегурочка водила хоровод с ребятишками примерно Василисиного возраста.

– Борис Андрианович! – поспешила к ним молодая женщина. – С Новым годом! Рада вас видеть! А это и есть Василиса? Добро пожаловать на праздник! А это Майя? Будем знакомы! Рита!

– Очень приятно! – пробормотала сбитая с толку Майя.

Между тем Рита помогла Василисе раздеться, сунула ее куртку в руки гардеробщику и увела к детям.

А Борис Андрианович крепко взял Майю под руку и повел в другой зал, где было намного тише.

– Господи, вы что, Дед Мороз?

– Так, чуть-чуть! Тут мы сможем спокойно пообедать, поговорить, пока наша девочка будет веселиться! Рита моя старая знакомая, мы раньше жили на одной площадке, у нее дочке девять лет, а муж тоже известный хоккеист... Она вчера позвонила поздравить...

– И вы рассказали ей про Василису?

– Да, и попросил достать билеты в цирк.

- Потрясающе!
- Вам тут нравится?
- Ну, я пока не поняла.

К ним подошел официант немыслимой красоты.

- Господи, просто Феликс Круль! – тихо ахнула Майя.
- Надеюсь, он не столь расторопен, – засмеялся Борис Андрианович.
- Боже, вы читали Томаса Манна?
- Я очень люблю Томаса Манна.
- Сейчас не так часто можно встретить человека...
- Который любит Томаса Манна? Значит, я редкий экземпляр.
- Да уж, взялись помогать первым встречным теткам...
- Какая же вы тетка? Вы совсем-совсем не тетка...

У нее глухо забилося сердце.

– Знаете, я все время думаю, кого вы мне напоминаете... Какого-то актера... Я совсем недавно его видела... На видео, а вспомнить никак не могу.

- Фильм был американский?
- Кажется, да...
- А случаем не Кевина Костнера в «Видимости гнева»?
- Боже мой, ну конечно! Как вы догадались?

– А мне сестра принесла кассету и сказала: «Посмотри, Борик, он похож на тебя как две капли воды!» Что ж, лестное сравнение.

– Знаете, мне молодой Костнер совсем не нравился, а тут он какой-то другой... – начала Майя и тут же залилась краской.

- Майечка, знаете, я... как теперь говорят, запал на вас, причем сразу...
- А вы Визбора любите? – вдруг спросила она.
- Боже мой, при чем тут Визбор? Вы просто хотите сменить тему? Вам неприятны мои слова, да?

- Нет, почему, приятны...
- Вы чудачка!

– Да нет, просто я... Мне почему-то вчера, когда мы с Валею садились к вам в машину, показалось, что вы должны в дороге петь Визбора...

– О, романтика шестидесятых? Я вызываю у вас такие ассоциации? Нет, должен вас разочаровать. Не люблю Визбора. Но дело не в этом... Майя, я... Черт, мне трудно с вами. Жаль, я не могу выпить... Майя, я должен сразу признаться, я таких, как вы, просто никогда еще не встречал...

- А что во мне особенного? – пожала плечами Майя.

– Для меня все... Я влюбился в вас, вот такая штука. А вы что, не влюблялись никогда с первого взгляда?

– Влюбилась один раз и тоже на Новый год... Только ничем хорошим это не кончилось...

– Майя, милая моя, а чем, по-вашему, в наше время должны кончаться любовные истории? Браком? Но брак – это же... Он убивает любовь, поверьте моему опыту.

– Это я и сама знаю, тоже по опыту.

– Простите меня, я расстроил вас.

– Да нет, несколько, я очень вам признательна за Василису...

И тут же Василиса возникла возле их столика, раскрасневшаяся, обсыпанная конфетти, увешанная лентами серпантина, с блескучей маской какой-то сказочной птицы на лбу.

– Ой, там так здорово! А что вы едите?

– Ты голодная? – встревожилась Майя.

– Нет, там столько всего вкусного, я просто забежала тебя проведать... – Она потерлась лбом о плечо Майи, отчего маска сползла ей на лицо.

– Ой, какие ужасы! – всплеснул руками Борис Андрианович. – Так говорила моя деревенская бабушка.

– Вася! Ты где? – позвал ее высоконький мальчик в поварском колпаке и с хлопущей в руках. Она победно дернула плечиком и пошла на зов.

– Боже мой, она уже готовая женщина, со всеми приемами кокетства. Мне всегда хотелось иметь дочь...

– Странно, мужчины обычно мечтают о сыне...

– Ну так эта мечта исполнилась четверть века назад. Знаете, я по натуре защитник, мне нравятся женщины слабые, беззащитные...

– По-вашему, я беззащитная?

– А разве не так?

– Ну, я уже научилась... Для своей тетушки я стала единственной защитой и опорой... Борис Андрианович, я что, произвожу такое жалкое впечатление? – вдруг спросила она, глядя на него в упор.

– Да господь с вами! – испугался он. – Кто вас так обидел, Майя?

– Да нет, я просто подумала...

– Выкиньте эту дурь из головы! Вы прелестная женщина, нежная, милая, желанная... А я осел!

Она облегченно засмеялась. Кажется, я и вправду ему нравлюсь...

После детского праздника Василиса просто валилась с ног и заснула в машине.

Подъехав к дому Майи, Борис Андрианович оглянулся на мирно

спящую Василису.

– Жалко ее будить. Может, я отнесу ее наверх?

– Да нет, все равно будить придется.

– А я не сплю! – сонным голосом заявила Василиса.

– Тогда до завтра. Утром у нас дельфинарий, – напомнил он, – а вечером «Щелкунчик».

– Спасибо вам большое, Борис Андрианович.

– Майя, зовите меня просто Борисом, а еще лучше Борей...

– Я постараюсь, Боря!

– Ты довольна? – спросила Майя, устанавливая на кухне гладильную доску.

– Супер! Знаешь, там один мальчишка..

– Я поняла, он тебе понравился, да?

– Нет, это я ему понравилась! Сказал, что я классная.

– Но если бы он тебе не нравился, ты вряд ли обратила бы внимание на его слова.

– Ну, он ничего... Между прочим, дядя Боря в тебя втюрился по уши...

А ты в него?

– Не знаю...

– Ты не влюбляйся в него, не надо!

– Почему?

– Ты лучше в папу влюбись... И выходи за него замуж, вот будет классно. Поедешь с нами в Финляндию, там здорово! Будем с тобой на лыжах ходить... На санках кататься с горки... Ты любишь на санках с горки?

– Я уж и не помню, люблю, наверное... – задумчиво сказала Майя.

– Ты, значит, согласна быть папиной женой?

– Я же папу твоего в глаза не видела, как и он меня.

– У меня папа клевый! Веселый, красивый, знаешь, как к нему женщины липнут? Ты ему подходишь, я знаю! А дядя Боря... Он хороший, но только старый.

– Он не старый, ему еще и пятидесяти нет.

– А папе тридцать шесть, есть разница? Знаешь, если я попрошу, папа обязательно на тебе женится. И даже если у вас ребенок родится, я буду рада... Я знаю, папа не станет меня меньше любить... А ты? Ты меня любишь?

– Конечно, хоть мы еще совсем мало знакомы, – улыбнулась Майя. А у самой сердце защемило – девочка так нуждается в любви! И я тоже.

Ночью Майе приснилась баба в рысьей шапке. Она стояла на берегу моря и размахивала флажками, как флотский сигнальщик. Майя подошла к ней.

– Что вы делаете?

– Передаю сообщение!

– Кому?

– Сама знаешь, рыло-то, небось, в пуху! – ответила баба, продолжая размахивать флажками.

– Но послушайте, между нами ничего нет...

Баба обернулась. Вместо лица у нее была ощеренная рысья морда.

Майя отшатнулась. А баба хохотала долго и противно.

Майя проснулась в отвратительном настроении. Что это за сон? Почему мне вообще приснилась тетка в рысьей шапке? С какой стати? Пускай она господину Ясному снится. Ясный! Надо ж выдумать... Зачем он мне? Вчера за обедом он часто упоминал жену. Мне это было не слишком приятно, хотя, видит Бог, я не мечу на ее место. И вообще... Надо просто пережить сегодняшний день, а завтра...

Господи, и почему я не поехала в Питер к тетушке? Ничего этого не было бы. Что за idiotские мысли, а что было бы с Василисой? Да ничего страшного, Генриетта ее приютила бы. Чушь собачья, просто мне понравился Ясный... Ему, видите ли, охота меня защищать! От чего, спрашивается? От одиночества? Но от одиночества не защитишься, одинокой можно быть и в кругу семьи, и среди друзей, и в постели с мужчиной, даже любимым... Я одинока... А разве я страдаю от своего одиночества? Я страдала от него в праздники, а теперь, похоже, справилась с этим. Вовремя придумала тетушку, но уже пора покончить с ней, она свое дело сделала. А жалко... Я так подробно описывала знакомым тетушкину квартиру, старинный стол карельской березы, серебряную сахарницу, гарднеровские чашки... Я так и вижу ее тонкие руки в коричневых пятнышках старости, каменю под воротничком блузки и запах духов «Мицуко»... Тетушка Ангелина Игнатьевна прожила долгую несчастливую жизнь, преподавала французский, а вечера коротает, раскладывая пасьянсы под старинной лампой датского фарфора с посеребрившим от времени гипюровым абажуром, слушая на стареньком проигрывателе пластинки с записями Софроницкого и Нейгауза. Стильная получилась картинка, прелесть, само изящество. Ну как можно отказаться от всего этого? Нет, пусть тетушка поправится и поживет еще... Она может пригодиться мне в истории с господином Ясным...

Полусонное течение дурацких мыслей прервал резкий звонок

телефона.

– Алло!

Она потянулась за трубкой.

– Это папа! – убежденно воскликнула Василиса.

– Майя? Привет, это Игорь! Как там моя Вася?

– Минутку, Василиса, это и вправду папа!

– Алло, папочка! Мне тут здорово, не волнуйся, Майя такая хорошая, и вчера мы ходили в цирк, а потом в ресторан, там был детский праздник у дяди-Бориных знакомых, а сегодня мы идем в дельфинарий и в театр на балет! А Майя говорит, это красиво, вот!

Майя не хотела слушать чужой разговор и побежала в ванную. Когда она оттуда вышла, Василиса стояла в коридоре под дверью.

– Майя, папа велел тебя поцеловать! Он хотел с тобой тоже поговорить, а ты заперлась и воду пустила... Ты нарочно?

– Да Бог с тобой, я просто не слышала, голову мыла! Пошли мюсли есть.

– А можно опять «арме риттеры»?

– Понравилось?

– Ужасно!

– Ладно, сейчас, только боюсь, я от этой прелести растолстею!

– А ты ешь мюсли!

– Ага, хитренькая какая! – засмеялась Майя.

От вида Василисы, с аппетитом уписывающей блюдо ее детства, дурное настроение как ветром сдуло. Все будет хорошо! Эта фразочка, звучащая в последнее время всюду – в фильмах, сериалах, песнях, до крайности раздражала Майю, но теперь она сама себе сказала: «Все будет хорошо!» Наверное очень важно в это верить...

– Дядя Боря, вы постриглись? – закричала Василиса.

– Совершенно верно, дорогая Василиса. Глянул на себя в зеркало и понял – пора стричься!

– Вам идет!

– Спасибо, Вася. А вот Майя молчит...

– С этой стрижкой вы меньше похожи на Кевина Костнера.

– Я в отчаянии!

– Не стоит отчаиваться, волосы отрастут, – засмеялась она.

– У вас сегодня хорошее настроение?

– Отличное!

– Прекрасно! Так вот, дамы, программа такая – сейчас мы едем в

дельфинарий, оттуда заедем на часок в Кремль, а потом ко мне, обедать.

– К вам? – удивилась Василиса.

– Да, я сегодня с утра смотался на рынок и приготовил шикарный обед. Ну а вечером – «Щелкунчик».

– Вот здорово!

В дельфинарии они веселились на всю катушку, а Василисе удалось погладить дельфина.

Она захлеб делилась впечатлениями:

– Ой, он такой приятный, гладенький, от него пахнет морем... И совсем нестрашный, хотя сильный и здоровенный! Но веселый, правда-правда! Он умеет улыбаться! Я его люблю! Его зовут Наполеон! А у Майи на полочке тоже стоит Наполеон! – вдруг без всякого перехода сообщила она.

– Фигурка дельфина? – с улыбкой уточнил Борис Андрианович.

– Нет, императора, в честь которого назвали торт! Мой любимый!

– Кто у тебя любимый? – рассмеялся он. – Император или торт?

– Торт!

– Понятно! А вы что, бонапартистка? – обратился он к Майе.

В ответ она только загадочно улыбнулась.

В машине Майя вдруг подумала: я не хочу в Кремль и не хочу к нему... Не хочу! Надо что-то придумать... срочно...

– Борис Андрианович, простите меня, но вы вчера не предупредили об обеде... Я не смогу, я... записана к парикмахеру.

– Так плюньте! У вас прелестная головка, и незачем что-то с ней делать, – беспечно ответил он.

– Нет, я не могу! К тому же вечером мы идем в театр... Я не могу идти в театр в джинсах, я рассчитывала, что заеду переодеться. Простите меня.

– А я хочу к дяде Боре! – заявила Василиса.

– Хорошо, с женщинами лучше не спорить! Независимо от возраста! Решаем так! Подвозим Майю, куда она скажет, и едем в Кремль, а потом обедать. А вечером встречаемся у театра. Годится?

– Годится! Годится! – хлопнула в ладоши Василиса. – Дядя Боря, а что у вас на обед?

– Утка с яблоками!

– А это вкусно? Я никогда не ела утку.

У Майи потекли слюнки. Она обожала утку с яблоками. Но...

– Так куда вас подвезти, Майя? Вы уверены, что парикмахерская открыта?

– Совершенно уверена!

Вчера Инна сказала ей, что идет стричься в модный салон к

знаменитому парикмахеру.

– Пожалуйста, это на Лесной... Там, в переулке...

Майя несказанно обрадовалась, увидев возле салона Иннин «фольксваген». Успокоилась.

– Спасибо большое, Борис Андрианович.

– Не за что. Жаль, что вы не с нами.

– Мне тоже жаль, тем более что я обожаю утку с яблоками... Но красота требует жертв.

– Я в этом не уверен, но... Подчиняюсь.

И они с Василисой уехали. А Майя в задумчивости поднялась на крыльцо и дернула дверь. Она была заперта. Майя нажала на кнопку звонка. Дверь открылась. Навстречу ей вышла красивая девушка с бейджиком на груди. «Белла, администратор».

– Добрый день, вы по записи?

И чего я сюда приперлась?

– Нет, но я хотела бы...

– Вы хотели бы записаться? К какому мастеру?

– Дело в том, что... здесь сейчас моя подруга, Инна Семенцова... Мне надо с ней увидеться... срочно...

– Разумеется, пройдите, пожалуйста, но если хотите, сейчас у Риммы есть время. Поговорите с подругой и, может быть, решитесь? Вам не помешало бы немного подстричься... – обворожительно улыбнулась Белла.

– Майка, ты? – вытаращила глаза Инна при виде подруги. – Что-то случилось? Говори скорее! В агентстве?

– Нет, все нормально, просто я немножко запуталась... Мне нужно было куда-то деться, я вспомнила, что ты...

– А, значит, это не очень срочно? Просто ты на нервяке сюда зарулила?

– Ну, что-то в этом роде... – пробормотала Майя, нещадно ругая себя за глупость.

– Тогда подожди меня немножко, и поедem куда-нибудь перекусить. Там и поговорим. Олежек, мы еще долго? – кокетливо обратилась она к молодому парню, колдовавшему над ее головой.

– Как минимум еще час, Инна Аркадьевна.

– Потерпишь? А то, может, тоже красоту наведешь?

Майя хотела было отказаться, но вспомнила, что именно под этим предлогом не поехала в Кремль и в гости.

– Ну, если возможно...

Все оказалось возможно и через полтора часа Майя с превеликим удивлением смотрела на себя в зеркало. В темно-русых волосах появились

светлые прядки, отчего голова казалась легче, воздушнее и несомненно элегантнее.

– Слушай, Майка, как тебе идет! Это твой стиль! Ты помолодела лет на десять. Блеск.

В маленьком ресторанчике с веселым названием «Сивый мерин» было мало народу и обстановка вполне располагала к откровенному разговору.

– И почему ты не захотела ехать к нему? По-моему, очень даже мило с его стороны... Он явно в тебя влюбился, разве плохо? Говоришь, он интересный?

– Ну да... Но я не хочу, он женат, давно и прочно, что мне там светит?

– Любовь! Чего еще тебе надо? Хомут на шею?

– Нет, просто я не хочу... я ставлю себя на место его жены... Мне неприятно...

– Глупости какие! Он же не трахаться тебя к себе приглашал. Это и вправду не очень красиво, а пообедать с девочкой... Дура ты! Ой, слушай, а вдруг он педофил?

– Что? – ахнула Майя.

– Как ты могла отпустить ребенка с совершенно чужим дядькой?

– Перестань, это чушь! Я знаю, где он живет, знаю его фамилию, да и вообще...

– А какая у него фамилия?

– Красивая фамилия. Ясный.

– Ясный? Он не родственник хоккеиста?

– Он его отец.

– Кино и немцы! Ты говоришь, он женат?

– Да, он сказал, что жена на Новый год в Канаду к сыну улетела...

– Минутку... – Инна открыла свою объемистую сумку и начала судорожно в ней рыться.

– Что ты там ищешь?

– Сейчас, сейчас, черт, где же это... Ага, вот!

Она вытащила из сумки гляцевый журнал, с которым активно сотрудничало их агентство.

– Вот, полюбуйся!

На развороте журнала был портрет молодого красавца в длинных шортах и черной футболке. Он сидел на балконе, выходящем на какой-то водоем, то ли озеро, то ли залив, положив ноги на перила. Репортаж назывался «Ясному далеко не все ясно».

– Ну и зачем мне это смотреть? – пожала плечами Майя.

– Дай сюда! – вышла из себя Инна. Она полистала журнал. – Ага, вот.

Вопрос корреспондента: «Каковы ваши отношения с родителями?» Ответ: «Мама уже два года живет со мной. Они с отцом развелись!»

Майя вспыхнула.

– Ну и что?

– Как что? Он же тебе наврал...

– Ну наврал, и что дальше?

– Но ты же говорила, он тебе нравится... – немного растерялась Инна.

– Инка, как ты думаешь, зачем он соврал? – упавшим голосом осведомилась Майя.

– А зачем они вообще постоянно врут, что женаты или, наоборот, холосты, в зависимости от возраста и ситуации. К примеру, на курорте он говорил бы, что холост или вдов, а в Москве сказал, что женат. Кто тебя знает, вдруг ты замуж соберешься. Он небось считает, что невесть какой завидный жених. Ученый на «Ниве», тоже мне герой нашего времени! Курам на смех! Но ты с ним все же переспи, мало ли...

– И не подумаю! А что ты хотела сказать, «мало ли» что...?

– А вдруг он офигительный любовник? Тогда...

– Инка, ты же знаешь, я так не могу...

– Да я знаю, ты дура набитая... Кино и немцы!

– Майя, мы тут! – закричала Василиса, подпрыгивая в густой толпе.

Кевин Костнер был на полголовы выше толпы.

Какая я дура, другая бы радовалась, что он в разводе, а я... я обиделась... По-настоящему обиделась... Наверное, я все-таки влюбилась в него, а он со мной, как с назойливой приставучей бабенкой... выставил заслон. Ну и черт с ним. Это в конце концов не роковая страсть. Пусть гуляет на свободе. По сценарию у меня роман с Игорем, отцом Василисы. Это куда нормальнее.

– Майя, теперь я вижу, что не зря вы бросили нас, – восхищенно покачал головой Борис Андрианович. – Вы очаровательны с этой прической!

Она ничего не ответила. Мели Емеля, твоя неделя.

Василиса сперва села между ними, но когда на место перед ней плюхнулась высокая полная дама с пышными волосами, Майя поменялась местами с девочкой, иначе та ничего бы не увидела. Зазвучала увертюра, он взял ее руку, поднес к губам. Она хотела вырвать руку, он не позволил. Не стану подавать вида, что обиделась, что что-то знаю... слишком много чести... волновалась она. Нет, я буду вести себя как ни в чем не бывало, а как только уедет Василиса, я пошлю его куда подальше... Нет, посылать я

просто не умею, но я... я уеду к тетушке, пока праздники и она еще жива, моя милая славная тетушка Ангелина Игнатьевна. Но это всего один день. Ну и пусть... Кстати, из Питера я могу еще куда-то поехать, в какой-нибудь маленький городок, куда не валят валом туристы и где можно снять номер в гостинице не за бешеные деньги. Побуду там до конца дурацких праздников... Эта мысль так понравилась ей, что она тряхнула мелированной головой и стала слушать знакомую чудную музыку, искоса поглядывая на Василису, которую зрелище, похоже, захватило целиком. А правая рука Майи все еще была во власти этого вруна... Пусть, если ему так приятно, в конце концов он много сделал для Василисы, и спасибо ему за это.

– Вы на меня сердитесь, за что? – обжег он своим дыханием ее нежное ухо.

Черт бы его побрал!

– Нет, что вы...

– Нельзя ли потише! – шикнул кто-то сзади.

Он отпустил ее руку. Руке стало грустно. Именно так, только руке... ей захотелось опять в тепло его больших ладоней. Нельзя поддаваться на физическое воздействие, пыталась урезонить себя Майя. Он меня волнует, потому что у меня давно этого не было... но я и не хочу... с ним... Он тоже использует меня и скажет, что вся жизнь не может пахнуть елкой и мандаринами и протекать под «вальс цветов»... Тетушка, родная, как хорошо, что я не успела тебя пришить!

В антракте Василиса задыхалась от восторга:

– Ой, Майечка, дядя Боря, я так рада! Мне так нравится! Я тоже хочу быть балериной! Как вы думаете, меня возьмут учиться на балерину?

– Боже мой, не вздумай! – воскликнул Борис Андрианович. – Это не жизнь, а каторга! Вечно голодная, тощая, замороженная... к тому же тебе уже поздно, в хореографическое училище принимают, по-моему, семилетних...

– Неважно, пусть я буду голодная, пусть!

– А слух у тебя есть? – спросила Майя, уже понявшая, что слуха у нее нет.

– Нет, со слухом беда, так бабушка говорила. Она хотела меня на скрипке учить или хотя бы на пианино, но потом махнула рукой. А без слуха никак?

– Без слуха исключено!

Казалось, она вот-вот расплачется.

Но выручил Борис Андрианович.

– Не страшно, Вася! Не можешь стать балериной, стань балетоманкой.

– Что это такое?

– Балетоманы – это такие люди, которые обожают балет, ходят на все спектакли, знают о балете все, знакомы с балеринами и танцовщиками... Они живут в этом мире, а сами танцевать не умеют, им это необязательно!

Василиса задумалась, доверчиво глядя на него.

– Это неинтересно! – ответила она наконец.

– Ты умница, Вася!

– Майя, а ты никогда не хотела быть балериной? У тебя есть слух?

– В детстве я хотела быть и балериной, и певицей, и драматической актрисой, но вовремя поняла, что у меня нет этих талантов. И слава Богу!

– Почему?

Но тут прозвенел звонок.

– Пошли скорее! – заволновалась девочка.

После спектакля, стоя в очереди в гардероб, Майя тихо заметила:

– Девочка удивительно восприимчива к искусству! Надо сказать отцу, пусть обратит внимание на это, надо ее развивать, а то вырастет и не сможет отличить хорошее от плохого, будет еще одной потребительницей продукции «Фабрики звезд».

– Какая вы правильная, Майя, – улыбнулся он. Улыбнулся, как ей показалось, снисходительно.

Она покраснела от досады.

– Майя, помнится, вы говорили, что любите утку с яблоками? Мы не все съели, может, поедем ужинать ко мне?

– Да нет, спасибо, я вообще не ужинаю, а Василисе пора спать. Столько впечатлений...

– Ну что ж... Пошли, я далеко оставил машину, у «Детского мира»... Завтра Василису заберут?

– Да... – соврала Майя. – Жаль, я к ней привязалась.

– А почему у вас своих детей нет? Еще не поздно...

– Ну, это уж мое дело!

– Да-да, простите за бестактность... и все-таки вы на меня за что-то сердитесь. Правда, я в толк не возьму, за что... Но мы сможем увидеться завтра вечером?

– Завтра я иду на день рождения к подруге.

– Возьмите меня с собой.

– Это неудобно.

– Ну что ж, буду вам звонить, – огорчился он.

– Пожалуйста, звоните...

Майя ужасно боялась, что он станет патетически прощаться с

Василисой и та брякнет, что отец приедет только шестого, но Василиса опять спала крепким сном и у дома едва помахала ему рукой на прощание.

– Умаялась? – спросила Майя в лифте.

– Здорово было! Зря папа говорил, что балет скучота.

– Ты голодная?

– Нет, спасибо.

– Утка вкусная была?

– Не очень. Он ее пересолил. Значит, влюбился!

– Да ну, ерунда! Может, все-таки чаю выпьешь?

– Нет, я спать хочу!

Когда Василиса улеглась, Майя стала думать, чем бы завтра развлечь ее. Пожалуй, можно сходить в зоопарк и, допустим, в кино. А послезавтра съездить на дачу к Ляльке Гурвич, у нее сын Василискиного возраста, побудем на свежем воздухе, Лялька давно меня приглашала... А потом сразу уеду, чтобы он не дозвонился... А интересно все-таки, что собой представляет этот Игорь, врун, болтун и хохотун? И словно в ответ на ее мысли раздался звонок в дверь. Кого это нелегкая принесла? Неужто Ясный решил выяснять отношения?

В глазок она посмотреть забыла.

– Кто там?

– Майя, это Игорь, отец Василисы!

– Господи, откуда вы взялись?

– Из Киева, откуда же еще!

На пороге стоял красивый молодой мужик с совершенно измученным лицом. Но он широко улыбнулся, и лицо осветилось.

– Привет! Вот и я! Картина Репина «Не ждали»?

– Не ждали, здравствуйте! – в некотором смятении проговорила Майя. Зачем он примчался на два дня раньше, да еще на ночь глядя?

– А Василиса где?

– Тише, она спит!

– Придется разбудить, мы сегодня улетаем...

– Куда, почему ночью?

– В Екатеринбург, к моей матери. Она там совсем плоха... Как узнала про убийство, слегла, на похороны даже не полетела, да я ей сразу сказал, сиди дома... Сенька-то ей не родной был, но все равно убивается и прямо взмолилась: привези да привези Василису...

– Господи, зачем девочку среди ночи куда-то тащить...

– Не куда-то, а к родной бабке! Извините, у вас поесть не найдется? В самолете такой гадостью кормили...

– Сейчас что-нибудь организую... Яичницу будете?

– Буду! А где у вас руки помыть?

Не будет у нас никакого романа...

Он совершенно не мой герой.

Он явился на кухню, сел.

– У вас хорошо, уютно. Пускай Василиса еще полчаса поспит. Такси до аэропорта как заказать?

– Я закажу. Кофе сварить?

– Если можно.

– Можно.

– Ну и дела, вот Новый год начался – хуже некуда! А как вам тут жилось с моей охламонкой?

– Никакая она не охламонка, она чудная девочка! Мы очень подружились, и, кстати, я хотела вам сказать, она удивительно восприимчива к искусству, это надо развивать...

– Я вам страшно благодарен за все, просто и не знаю, что было бы, если бы не вы... Знаете, в жизни у вас голоса не так похожи с Ингой, но по телефону – один в один! Как же я лажанулся... Знаете, я думал – приеду шестого, свожу вас в шикарный ресторан, мы с вами поговорим по душам и, чем черт не шутит, может, роман закрутим... А вышло – фигушки. Все наскоком, все бегом, вздохнуть некогда... А вы – приятная... Может, на обратном пути...

– Что, роман закрутим? – засмеялась Майя.

– Нет, с вами на бегу нельзя, я же вижу... – с грустью сказал он. – Яичница у вас вкусная, не пережаренная, в самый раз... спасибо! Ну, пойду Васюшку будить.

– Вам в какой аэропорт?

– В Домодедово.

– А прилетели куда?

– В Шереметьево-один. Концы – будь здоров, я уж в этой Финляндии отвык. Хорошо еще вы близко к центру живете.

Из комнаты раздался восторженный вопль Василисы.

– Папочка! Папа приехал! Папулечка, родненький!

Майя ощутила укол ревности. Это глупо, сказала она себе. Он же родной отец, а ты?

– Майя, мы улетаем!

– Ты рада?

– Я не знаю, – растерялась девочка.

– Ничего, хватит по чужим людям таскаться, бабушка там ждет...

– Знаете, Игорь, позвольте дать вам совет...

– Это насчет искусства?

– Нет, просто не говорите вашей маме, что Василиса эти дни у незнакомой женщины жила... Ваша мама и так расстроена, к чему еще пугать ее, хоть и задним числом.

– Ваша правда. А я бы не додумался. Только Васька проболтается как пить дать.

– Ничего я не проболтаюсь! Скажем бабушке, что я в Москве жила у твоей старой знакомой.

– Ладно, придумаем что-нибудь. Спасибо за совет. И вообще... Спасибо вам большое. Приезжайте к нам в Лахти, летом у нас хорошо. Грибов, ягод – море. Рыбачить можно. Вот вам моя визитка, тут все телефоны. Звоните, будем рады!

– Ой, правда, Майя, приезжай к нам, у нас дом большой, и не обязательно летом, можно и зимой!

– А вы на обратном пути остановитесь в Москве?

– Да что я знаю? Я вон собрался еще в Киеве побыть, а тут такое дело... Но если задержимся на денек, обязательно звякнем.

– Пап, а можно я вообще буду Майе звонить?

– Можно, чего ж нельзя, авось не разоримся на твоих разговорах.

– Я тоже буду тебе звонить, – улыбнулась Майя.

Василиса повисла у нее на шее.

– Майечка, миленькая, хорошенькая, я тебя так люблю!

У Майи комок застрял в горле.

– Тебе скучно без меня не будет?

– Будет, – улыбнулась Майя сквозь подступившие слезы. – Но я решила завтра вечером в Питер уехать.

– К тете?

– Да. Она старенькая, болеет...

– А к дяде Боре в гости не пойдешь?

– Да нет, зачем?

– У него интересно, кораллов всяких много, чучело какой-то рыбины, во-от такой здоровенной, красивое!

– Ну, Васюшка, пора! До свиданья, Майя, еще раз спасибо вам!

Вот и все, сказала себе Майя. Фильм по моему сценарию получился грустный, скучный и бездарный, как большинство новогодних фильмов. А главное – конец уж слишком расплывчатый. Ладно, к черту, я всегда знала, что писать сценарии – не мое дело!

Час был поздний, но она взялась за уборку, оставив на утро только

пылесос, не включать же ночью. Легла и уснула почти сразу. Ей ничего не снилось.

Утром она включила пылесос, стиральную машину, и к полудню все в квартире сияло чистотой.

Поеду за билетом, решила она, и тут же позвонил Борис Андрианович. Увидав его телефон на определителе, она не стала снимать трубку. Зачем?

...В купе с ней оказалась весьма разговорчивая дама, только сегодня утром вернувшаяся из Парижа, полная впечатлений и явно ни с кем еще ими не поделившаяся. Майя была первой слушательницей. Правда, вскоре ее начало клонить в сон, однако дама все продолжала вещать.

– Вы знаете, я попала там на экскурсию по местам «Кода да Винчи»! Представляете, как интересно? К сожалению, это была только часть большой экскурсии – там и Англия, и... Ой, вы спите, да?

– Извините, у меня был тяжелый день. Спасибо за рассказ, мне было очень интересно...

– Да? Я не заметила, – обиженно пробурчала дама. Но Майя сделала вид, что не расслышала.

Проснувшись утром на подъезде к Петербургу, она подумала: за каким чертом я сюда приперлась? От чего я бегу на сей раз? От кого? От господина Ясного? Зачем? Он и не думает за мной гнаться. Позвонил из вежливости, и все. Мысль о том, что придется сейчас бродить по сырому, еще темному городу, была противна. Надо, пожалуй, сходить в Русский музей, сегодня он, наверное, открыт, эта мысль немного согрела душу. Одной из любимейших работ в Русском музее, как ни странно, был плакат Валентина Серова к спектаклю Анны Павловой. Во всяком случае, она запомнила его с детства, когда ходила в музей с мамой. Любовь матери к Серову в полной мере передалась и ей. Настроение несколько улучшилось. Но когда она сошла на перрон и промозглый сырой воздух наполнил легкие, она подумала: что я за нелепое существо... И прибавила шаг.

– С добрым утром, Майя! – сказал кто-то знакомым голосом. Она резко остановилась.

– Вы?

Перед ней стоял Борис Андрианович.

– Я! Слава богу, я вас не прозевал! Вот! – Он протянул ей букет ярко-желтых хризантем, которые, казалось, осветили утреннюю тьму Петербурга.

Она не верила своим глазам.

– Как вы сюда попали?

– Прилетел вчера! А сегодня примчался на вокзал и сразу увидел вас.

Повезло!

– Но как вы узнали?

– Мне позвонила Василиса...

– Нет, правда? И она вам сказала, что я...

– Что вы уезжаете в Петербург к тетушке, ну я и решил махнуть... авось тут я смогу заслужить прощение...

– Прощение? – дрогнувшим голосом переспросила Майя.

– Я случайно увидел журнал с Женькиным интервью и вдруг подумал... Вы видели это интервью, да?

– Да... Но как вы догадались?

– Вы обиделись? Я понимаю... Я просто по привычке сболтнул... Я так частенько защищался, но я вовсе не хотел защищаться от вас, видит бог, не хотел!

– У вас такая интуиция? – поразила Майя.

– Только когда я сильно влюбляюсь... Вот...

– С ума сойти!

– Ну, Майечка, милая, что ж мы тут стоим на холоде, поехали, я отвезу вас к тетушке. Где она живет?

Майя посмотрела на него долгим взглядом и загадала: если он поймет то, что я сейчас скажу, у нас, возможно, есть будущее, и дрожащим голосом произнесла:

– Нет, Боря, Бенбери умер.

Он посмотрел на нее с изумлением:

– Но зачем? Зачем ты выдумала эту тетку?

– Я тоже защищалась...

Она встала на цыпочки, обняла его и поцеловала в подбородок.

Он понял. У них, пожалуй, есть будущее.

Кино и немцы!